

ДМИТРИЙ САФОНОВ

ЭНСКИЕ
ИСТОРИИ

Дмитрий Сафонов

Энские истории

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

Сафонов Д. Г.

Энские истории / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич»,

«Не входите в подъезд, а то вас может стошнить. В застоявшемся полумраке лежит мое большое, пока еще мягкое и податливое, не успевшее остыть тело. Повернутые носками внутрь ноги с неестественной старательностью вытянуты. Одну руку я выбросил вверх и слегка вбок, а вторая лежит как придется, ничуть не смущаясь неловкостью позы. В голове у меня — здоровенная дыра; волосы слегка опалило пороховым пламенем (в упор бил! контрольный выстрел — по всем правилам душегубской премудрости!); на стене, густо выкрашенной в стандартный зеленый цвет — крупные вязкие капли крови. Черная липкая лужа вокруг головы подернулась глянцевой пленкой и угольно блестит в свете жиденьких лучиков, пробивающихся сквозь щели в дверном проеме. Бр-р-р! Зрелище не из приятных! Не входите в подъезд, а если уж вошли, то бегите тотчас прочь отсюда, звоните в милицию, вызывайте самую скорую (или самую медленную — все равно поздно) помощь, кричите от ужаса, плачьте, блюйте за углом, падайте в обморок, но делайте хоть что-нибудь! Хоть что-нибудь, лишь бы я проснулся, потому что этого не может быть на самом деле! Нет! Я просто сплю... Сплю и никак не могу проснуться... Надо постараться, поднатужиться изо всех сил... Ну же!..»

© Сафонов Д. Г.
© Сафонов Дмитрий Геннадьевич

Содержание

Коловращение	6
Человек с крылышками на плечах	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Сафонов

Энские истории

Внимательнее приглядывайтесь к тем, кто вас окружает – это чертовски увлекательное занятие: люди не так просты, как может показаться на первый взгляд.

Коловращение

Не входите в подъезд, а то вас может стошнить. В застоявшемся полумраке лежит мое большое, пока еще мягкое и податливое, не успевшее остыть тело. Повернутые носками внутрь ноги с неестественной старательностью вытянуты. Одну руку я выбросил вверх и слегка вбок, а вторая лежит как придется, ничуть не смущаясь неловкостью позы. В голове у меня – здоровенная дыра; волосы слегка опалило пороховым пламенем (в упор бил! контрольный выстрел – по всем правилам душегубской премудрости!); на стене, густо выкрашенной в стандартный зеленый цвет – крупные вязкие капли крови. Черная липкая лужа вокруг головы подернулась глянцевой пленкой и угольно блестит в свете жиденьких лучиков, пробивающихся сквозь щели в дверном проеме. Бр-р-р! Зрелище не из приятных! Не входите в подъезд, а если уж вошли, то бегите тотчас прочь отсюда, звоните в милицию, вызывайте самую скорую (или самую медленную – все равно поздно) помощь, кричите от ужаса, плачьте, бляйте за углом, падайте в обморок, но делайте хоть что-нибудь! Хоть что-нибудь, лишь бы я проснулся, потому что этого не может быть на самом деле! Нет! Я просто сплю... Сплю и никак не могу проснуться... Надо постараться, поднатужиться изо всех сил... Ну же!

* * *

Я очнулся от того, что кто-то закричал. "Наконец! Хоть один человек нашелся: бросил мне свой крик, как спасительное бревно под ноги утопающему в стремительном водовороте; оттолкнувшись, я выплыл на поверхность, разрывая отяжелевшей головой клочья сонной пены. Спасен!"

Я открыл глаза, и сознание моментально вернулось на привычное место – точно не знаю, где оно находится.

Судя по тому, что мой рот был широко открыт, а мышцы под нижней челюстью свело тряской судорогой – стало быть, и крик тоже был мой. Вот только голоса собственного не узнал. Ну так во сне же – чего не бывает?

Я отдышался, вытер пот со лба. Одна соленая струйка, ловко выскользнув из-под руки, прыгнула в уголок левого глаза: пришлось его зажмурить. Заимствованная у щеки кожа дернулась вверх; втянутый со свистом воздух остудил оскаленные зубы, растревожив давнишнее дупло. Зуб мудрости с огромным дуплом – глупо! Нет в этом никакого символа!

Осторожно потрогал дупло языком, царапаясь об острые края зубных развалин. Боль потихоньку тупела. Стало полегче.

Желая заглушить ее ноющие остатки, я машинально охлопал себя по карманам в поисках сигарет. Пусто. Потянулся к бардачку, пошарил в его объемистом брюхе, но и там ничего не было.

– Странно? Где же сигареты? – пробормотал я под нос.

– У меня, – раздался голос с заднего сиденья.

Для моих измученных нервов это было уже слишком. Я вздрогнул – так сильно, что ударил плечом себе в ухо, и быстро обернулся. Мальчик с белыми кудрявыми волосами смотрел на меня исподлобья. Солнце просвечивало сквозь его оттопыренные уши; на розовом фоне проступила частая сеть тонких фиолетовых жилок. Мальчик был голубоглазый, с белой нежной кожей. На вид ему было лет семь-восемь. Я никак не мог вспомнить, откуда он взялся. А может, сон продолжался? Все эта кошмарная жара – нельзя спать на солнцепеке!

– Ты куришь? – хрипло спросил я. Дурацкий вопрос, но ситуация очень к тому располагала.

Он лишь недовольно мотнул головой, не желая поощрять мою глупость словесным ответом. Я прокашлялся и собрался с мыслями. Откуда он взялся, этот мальчик?

– Тогда отдай мне сигареты, – сказал я, пытаюсь хоть как-то оправдаться этим "тогда", придать хотя бы видимость смысла предыдущей фразе.

Мальчик протянул пачку – все так же молча.

Я достал сигарету и закурил, тупо уставясь прямо перед собой. Сделал несколько жадных затяжек и языком вытолкнул изо рта тягучий дым; сизые змейки, извиваясь, поползли вниз по груди.

Что это за мальчик? Откуда он взялся? Я еще раз глубоко затянулся и решительно повернулся назад: сейчас обо всем его спрошу. Но... Что за наваждение? Мальчик лежал на заднем сиденье, подтянув колени к животу, и мирно спал. Прядь белых кудрявых волос, свесившаяся со лба, переливалась и блестела на солнце. Я хотел его окликнуть, растормошить, разбудить, но не стал – что-то подсказывало мне, что он все равно не проснется.

Я потер лоб и вышел из машины. Оказалось, что она стоит посреди большого поля. Точнее, посреди большого поля растет какой-то крупный кустарник, покрытый листочками, серебристыми с исподу, а рядом стоит машина. Видимо, я съехал с дороги и поставил ее в тени куста, но пока спал, неугомонное солнце перелезло через его гибкую верхушку и принялось поджаривать меня сверху.

Хотел сплюнуть, но во рту все пересохло. Фу-у-у! Ну и жара! Неудивительно, что приснился кошмар. В горле першило. Воды, к сожалению, у меня не было. Вообще никакой! Я полез в карман – посмотреть, сколько осталось денег: надо сесть за руль и доехать до ближайшего магазинчика, купить воды или квасу.

Из недр линялых потертых джинсов удалось добыть кое-какую мелочь и смятую десятирублевку. Хватит, чтобы утолить жажду. Встряхнув на ладони все свое нынешнее состояние, я заметил маленький листок бумаги, сложенный аккуратным квадратиком. Положил деньги обратно и развернул листок: там лежал плоский ключ и был записан адрес: улица Фруктовая, дом 24, квартира 32.

В этот момент со стороны дороги послышался надсадный гул мощных моторов, рассерженное шуршание широких шин по пересохшему шершавому асфальту и обрывки веселой мелодии, разбросанные ветром как попало, безо всякого порядка. Плавно покачиваясь, неспешно катились разноцветные фургоны передвижного цирка шапито. Я всматривался в распахнутые окошки, надеясь разглядеть за плескавшимися дешевыми занавесками беззаботные лица циркачей, но тщетно – скорее всего, во время переезда они просто спали, измученные частыми представлениями и бесконечными тренировками.

Я проводил взглядом этих вечных добровольных скитальцев и грустно улыбнулся им вслед. Совместимость несовместимого, постоянное непостоянство и твердая уверенность лишь в одном – в том, что ни в чем нельзя быть уверенным: все это было знакомо и мне. Давно уже знакомо.

Неожиданно все встало на свои места. Память вновь услужливо распахнула потайные дверцы в своих бесконечных лабиринтах. Я вспомнил, что со мной случилось, почему я здесь, и что следует делать дальше...

* * *

– Я родился в Энске. Энск – небольшой пыльный город в средней полосе России. Летом здесь жарко, зимой – холодно, осенью – грязно, а весной – невыносимо тревожно и тесно.

Я любил свой город, покуда были силы. Но уже к моменту окончания десятого класса я твердо знал, чего хочу – уехать отсюда во что бы то ни стало. Получив аттестат, я объявил, что отправляюсь в Москву – поступать в институт.

Отец с сомнением покачал головой, но все же согласился и даже дал мне сто двадцать рублей на расходы; мать вздыхала и две ночи подряд тихонько плакала, приводя в порядок мой невеликий гардероб. Наконец все рубашки были постираны, носки – заштопаны, испечен дорожный пирог (с капустой и с яйцами), и я с легким сердцем покинул родительский дом.

В институт поступил сразу. Правда, он оказался так себе – студенты не пользовались правом отсрочки от службы в армии. В общем, после первого курса я отправился исполнять священный долг и почетную обязанность гражданина СССР. Исполнял два года, а, вернувшись на "гражданку", уже не захотел возвращаться в институт. Служба в армии больше не грозила: значит, я не был связан необходимостью от нее спастись. И тогда я пустился в "свободное плавание".

Пятнадцать лет я скитался по белу свету в поисках мифической "лучшей доли". Не нашел. Возможно, пятнадцать лет – слишком небольшой срок; а может быть, я совершил ошибку, ограничив территорию поисков пределами России. Так или иначе, пришлось убедиться на собственном опыте, что "на свете счастья нет...".

За это время моя трудовая книжка стала напоминать бульварный роман карманного формата – так много появилось в ней записей; руки, прекратив наконец обрастать новыми мозолями, не переставали при этом приобретать новые навыки. Кем я только ни был и чем я только ни занимался! Но, по крайней мере, двух вещей я точно никогда не делал. В обоих случаях запрет действовал на подсознательном уровне: его нарушение неизбежно привело бы к потере свободы. Я не вступал в конфликт с законом и не пытался обзавестись семьей. Напротив, за эти пятнадцать лет я потерял двух последних родных мне людей – отца и мать: человечество превратилось просто в сборище посторонних.

Отец мой был каменщиком; он погиб на стройке первого и пока единственного в Энске шестнадцатиэтажного дома. Будучи, по обыкновению своему, на исходе рабочего дня основательно пьяным, он весьма неосторожно ступил на незакрепленную балку. Итог был печальным (как раз заканчивали последний этаж) – ни до, ни после него никто в Энске не падал с такой высоты. Это трагичное обстоятельство позволило председателю профкома, распоряжавшемуся похоронами, с прямодушным цинизмом утверждать, что отец погиб, находясь на вершине своей карьеры.

Весть о смерти отца настигла меня с опозданием почти на две недели. Помнится, в то время я был в Западной Сибири: работал вахтовым методом на буровой. Писем домой я почти не писал; лишь иногда давал телеграммы, переменяя места работы и жительства.

Когда я приехал в Энск, земля на отцовской могиле уже высохла и просела. На кладбище было тихо и пустынно. Я выкурил сигарету и решил, что просьба матери вкопать рядом с могилой небольшую скамеечку – не что иное, как сентиментальная блажь: кто захочет провести в столь унылом месте больше двух минут? (Ровно столько требовалось, чтобы стереть с приземистого обелиска, сваренного из листов нержавеющей стали, многочисленные известковые пятна вороньего помета – сразу за оградой погоста начиналась городская свалка.)

В честь моего приезда мать устроила торжественный обед: радость долгожданной встречи с сыном блестела в ее глазах, многократно преломляясь в каплях невысохших слез,

вызванных кончиной супруга. Но победила все-таки жизнь. Немногочисленные приглашенные соседи, выпив по паре стопок – и за здоровье сына, и за упокой души отца – принялись наперебой вспоминать какую-то ерунду. Особенно ценились воспоминания, имевшие большой срок давности. "Ну, вы-то наверняка этого еще не застали, а вот я..." или "...это было лет за пять до того случая, о котором вы сейчас рассказали..." и все в таком духе. А одна расплывающаяся тетка выдувала из множества ниспадающих друг на друга подбородков примерно следующее:

– Ну вот, теперь-то, когда сын приехал, вам, Светлана Александровна, полегче будет... Сможете, наконец, долги отдать...

Мать виновато улыбалась и опускала глаза...

Я сбежал через три дня. Больше вынести не смог. Оставил на зеркале в прихожей все деньги, что имел с собой, за вычетом суммы, необходимой на обратный билет, и рано поутру, едва начало светать, на попутной машине уехал из города.

* * *

– Мать умерла через четыре года от рака груди. За это время у меня накопилась целая связка писем от нее: она посылала их просто так, не надеясь на ответ. Я никогда их не перечитывал, но и выбросить почему-то не мог: таскал всюду с собой в коробке от зимних ботинок, купленных по случаю на барахолке в Тынде.

Когда вдруг ее письма перестали догонять меня (а они меня рано или поздно все-таки догоняли, как свернутая газета – верткую муху, потому что авиапочта неизменно оказывалась проворнее), я почувствовал неладное – словно бы стало чего-то не хватать.

Потом уже я получил известие об ее смерти. Писала все та же толстая тетка: инфаркт, инсульт, ишемия и гипертония никак не могли договориться между собой о том, кто из них поставит завершающую точку в этой никчемной ленивой жизни.

Позже мне стала понятна причина, заставившая тетку хлопотать: когда я приехал, она меня уверяла, что мать осталась ей должна за свои же собственные похороны (??). Не желая спорить, я деньги вернул – профанация сыновнего долга.

И остался совсем один.

* * *

– Я уладил все дела и вступил в наследство, состоявшее из маленькой квартиры, скрипучей полутораспальной кровати и покосившегося шкафа с треснутым зеркалом; отдал деньги всем, кто утверждал, что был семейным займодавцем; поставил на родительскую могилу общий памятник из серого гранита и ажурную ограду из заостренных прутьев. Ограда плотно охватывала цементный цоколь: так, что места внутри нее больше не оставалось, даже для меня – я собирался навсегда уехать из Энска.

* * *

– Может быть, это лишнее? Видимо, не стоило мне об этом рассказывать... Вряд ли это имеет хоть какое-нибудь отношение... Но, честно говоря, я так запутался... Я уже ничего не понимаю...

Сидевший напротив черноволосый красавец снисходительно улыбнулся. Несколько долгих мгновений он молча смотрел на меня. Так смотрят на безнадежно больных. Затем он

как-то ободрительно и в то же время одобрительно – чертова путаница, она проникла всюду, она уже и в словах, и в мыслях! – кивнул и мягко сказал:

– Не волнуйтесь. Я попытаюсь помочь. Вы очень ярко и красочно обрисовали декорацию. Теперь настал черед действующих лиц. Героев, если можно так выразиться, – он сплел длинные тонкие пальцы и противно хрустнул ими. Меня передернуло. Должно быть, я даже поморщился, потому что он опять улыбнулся – на этот раз понимающе, расцепил пальцы и принялся крутить на мизинце перстень с крупным бриллиантом.

– Вы знаете, – я старался говорить медленно, не частить, но ничего не получалось – снова начинал волноваться и сбивался на малопонятную скороговорку. – Это наваждение. Просто бред какой-то. Словно во сне, но только сон не может повторяться в таких подробностях. Я каждый раз будто просыпаюсь, но потом оказывается, что все еще сплю. И потом, эти совпадения во времени. Точнее, несовпадения... Ну, в общем...

Он ласково потрепал меня по руке:

– Успокойтесь. Хотите немного коньячку?

Я дрожал, как в лихорадке.

– Да, пожалуйста. Это должно помочь.

Он встал, подошел к столу, щедро плеснул в стакан янтарную жидкость:

– Вот. Наилучшее лекарство. Обладает массой побочных эффектов, зато не имеет противопоказаний, – посмотрел коньяк на свет, понюхал. – Не самый хороший, но, по крайней мере, настоящий. Это не разбавленный спирт, настоянный на коре дуба и подкрашенный чаем. Можете смело пить.

Я машинально последовал его совету. Коньяк мягко обжег пищевод и улегся в желудке приятной тяжестью. Но почти сразу же, в ту же самую минуту, когда спасительное опьянение стало нежно захлестывать измученные внутренности трещащей по швам черепной коробки, странная, неизвестно откуда возникшая тревога поселилась в моем мозгу тупой болезненной занозой. "Коньяк? Почему коньяк? Его не должно быть! Откуда здесь мог взяться коньяк? Все еще больше запуталось!"

– Коньяк! – жалобно проскулил я, мотая головой.

Незнакомец понял мои слова совершенно иначе.

– Конечно, конечно, – он склонился в услужливом полупоклоне и налил еще полстакана. Черный смокинг и бабочка делали его похожим на официанта.

Я потерял глаза, всхлипнул и выпил. На этот раз стало лучше. Озноб унялся; члены, сведенные судорогой, обмякли. Я почувствовал, что могу теперь не торопиться. Достал из кармана сигареты, закурил. С наслаждением выпустил дым тонкой струйкою. (Я бы не смог курить в темноте; мне нравится наблюдать за своим дыханием, овеществленным табачным дымом. Из всех удовольствий, получаемых от курения, эстетическое занимает далеко не последнее место.)

– Ну вот, – я уселся поудобнее и приготовился продолжить рассказ. – Я уже совсем собирался уехать из Энска, как вдруг однажды, совершенно случайно, встретил на улице Серёгу Сундукова.

* * *

– С Серёгой мы вместе учились в школе. Можете проявить смекалку и попробовать угадать, какая у него была кличка. Ну, разумеется, Сундук.

Хотя, на мой взгляд, он этого не заслуживал. Громоздкое, громко хлопающее, но в целом абсолютно безобидное, не имеющее никакого отрицательного оттенка слово Сундук никоим образом не могло охарактеризовать его мерзкую и подлую натуру. Точно так же можно было называть его Графом, Принцем или Ангелом. Сутулый, длиннорукий, с жест-

кими светлыми волосами, голубыми водянистыми глазами и отвратительно бледный – той прозрачной зеленоватой бледностью, которая бывает у обильно менструирующих девочек, он всегда смотрел исподлобья, злобно стиснув кривые узкие зубы, и что-то негромко бормотал себе под нос.

Сундук учился на два года старше меня. Одноклассники его не любили. Хуже того – они его не замечали. Не хотели замечать, и это его бесило. Желая выместить на ком-нибудь свою постоянную злобу, он спускался этажом ниже, где проходили занятия у младших классов, и, наметив себе жертву, принимался с наслаждением мучить ее.

Чтобы придать избиению хотя бы видимость поединка, а себе – добавить толику мнимой доблести, Сундук неизменно выбирал в жертвы мальчиков покрупнее. Я, на свою беду, был довольно рослым ребенком. Когда я учился в четвертом классе, а Сундук – в шестом, он однажды подошел ко мне на перемене и потребовал "жевачки". В те годы достать в маленьком провинциальном городке хотя бы пластинку жевательной резинки было абсолютно нереально. Сегодня героин купить легче, чем тогда – какой-нибудь "Орбит" или "Ригли". Сундук мне явно льстил, полагая, что между мной и, как он выражался, "жевачкой", может быть что-то общее. Одет я был весьма скромно, но (стараниями матери) очень аккуратно, что для Сундука являлось (следуя непостижимой для меня логике) несомненным признаком материального достатка. Где-то там, на мутном мелководе его сознания, чистота ассоциировалась с почти что неприличным богатством. Конечно, я промямлил нечто вроде: "А где я ее возьму?" и моментально получил поддых. "Я буду бить тебя каждый день, пока не принесешь", – прошипел Сундук.

Скверный мальчишка старался сдерживать свое обещание. Следующие два года прошли в напряженном соревновании: я, призвав на помощь всю свою изобретательность, пытался пересидеть невыносимо долгую перемену, затаившись где-нибудь в укромном уголке, а он – движимый черной злобой, булькавшей в его грязной душонке подобно густому зловонному вареву, искал меня повсюду, заглядывая даже в женский туалет. Борьба шла с переменным успехом.

Все разрешилось само собой, когда я перешел в шестой класс. Вернувшись после летних каникул в школу, я обнаружил, что стал заметно здоровее сверстников. Это вселило в меня уверенность, что теперь я смогу дать отпор своему убогому мучителю. Я ждал, когда же он спустится на наш этаж, и уже начинал показывать признаки нетерпения. Через неделю занятий мизерный запас добродушия, накопленный им за три летних месяца, проведенных у бабки в далекой глухой деревне, иссяк, и Сундук наконец объявился.

Я не собирался никуда прятаться; стоял, выделяясь из толпы одноклассников, громко говорил и весело смеялся. Внезапно я почувствовал на себе чей-то липкий взгляд и обернулся. Чуть в отдалении стоял Сундуков; слюна пузырилась в уголках его щелевидного рта. Но я даже не тронулся с места и не отвел глаза. Сундук постоял, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, но близко подойти не решился: он почему-то за эти два года не вырос ни на сантиметр. Мне ужасно хотелось хорошенько наподдать ему; я был готов к драке – но я не был готов напасть первым.

Видимо, Сундук это прекрасно понял; он повернулся и медленно ушел, празднично загребая ногами разнообразный хлам, валявшийся на полу: скомканные бумажки, стержни, обломки авторучки и разрезанный на две части ластик.

Больше он никогда не подходил ко мне; напротив, при случайной встрече отводил глаза и нарочито принимался насвистывать некое фальшивое подобие мелодии: настолько прикидочно, что я не мог даже разобрать, в мажоре он свистит или в миноре.

* * *

Незнакомец ощерился в довольной усмешке. Часовые стрелки его маленьких черных усов вздрогнули и, подталкиваемые пухлыми алыми губами, погнали время вспять: без двадцати четыре, без четверти три, без десяти минут два.

– Как вы его, однако, – он сладострастно зажмурился. – Мерзавец, – и причмокнул от удовольствия. – Полагаю, с тех пор господин Сундуков не сильно изменился. Люди вообще мало меняются. Еще и почитают это за добродетель. Желая сделать приятное, говорят друг другу: "Дорогая, а ты все та же, что и десять лет назад...". По-моему, весьма сомнительное достоинство...

– По-моему, тоже, – поспешно согласился я.

– Да-а-а, – некоторое время он сидел в задумчивости. Я молча курил.

– Ну так и что же этот Сундуков? – внезапно встрепенувшись, спросил он.

– Сундуков? – переспросил я. – Да, собственно, из-за него-то все и началось...

* * *

– Я уже совсем было собрался уехать из Энска. Вообще-то, я не планировал сделать это в какой-то определенный день: уехать можно когда угодно, в любое время. Взять билет на ближайший поезд не составляет труда, автобусы с автовокзала уходят по расписанию, а если хочется убраться поскорее – к твоим услугам аэропорт в тридцати километрах от города: Энск делит его с другим районным центром.

Я вышел из дома, чтобы купить сигарет. В ближайшем ларьке таких, как я хотел, не было, и я решил немного прогуляться. Был вечер, самое его начало. Асфальт торопился избавиться от тепла, накопленного за день. Легкий ветерок осторожно бегал по остывающим улочкам. Сидевшие за пластмассовыми столиками летнего кафе мужчины с пыльными помятыми лицами осипшими голосами деловито осведомлялись, есть ли **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** холодное пиво, и в этом вопросе слышалась затаенная надежда. Полноватая продавщица (она же официантка по причине малости заведения) с мокрыми кругами пота под мышками безжалостно отчеканивала: "Не успевает охлаждаться. Разбирают быстро." Для порядку вздохнув, мужчины брали какое есть, предварительно перетрогав все лежащие в холодильнике бутылки, выискивая чуть более прохладную.

Я подошел к прилавку и стал выбирать сигареты. Внезапно – как когда-то давно, в детстве – я почувствовал на себе чей-то липкий взгляд. Конечно, это был Сундук. Я-то узнал его сразу. Он почти не изменился, разве что чуть-чуть располнел.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, изучая и сопоставляя увиденное с уже имеющимися в его скудной памяти образами, а потом спросил:

– Старик, неужели это ты?

Я знал два варианта ответа. Оба – одинаково глупые, как и сам вопрос. Я выбрал первый – потому, что не привык врать:

– Да, Сундук. Это я.

Он встал, подошел ближе и протянул руку – вялую и холодную, как дохлая рыба. Я осторожно обхватил ее двумя пальцами и слегка встряхнул.

– Сколько лет, сколько зим, – расплылся он в приторной улыбке.

– Не усложняй. Поровну – и тех, и других, – оборвал я его, – ненавижу банальности.

– Давай выпьем. За встречу, – сразу предложил он.

Тактически это был абсолютно правильный ход. К алкоголю я всегда испытывал почти-тельное отношение. Почтение подкреплялось точным знанием нормы: шестьсот пятьдесят

грамм, если без пива. Выпить хотелось. Даже с Сундуком – больше-то никто не предлагал. Я малодушно согласился и кивнул:

– Пойдем ко мне.

– А-а-а... Ну... Ты ж теперь один, – сказал он как-то осторожно, словно бы я сам об этом не догадывался. И сразу же – подчеркнуто бодро, – я возьму. "Столичной", да? Парочку? У тебя есть чем закусить?

В соседнем магазине мы купили колбасы, сыра, две банки шпротов. Дома, я знал, оставались соленые огурцы – мать заготавливала. Еще прошлой осенью.

В общем, мы пришли в пустую квартиру и начали пить. Быстро опьянели (пить водку в такую жару – это ж самоубийство!). Лед взаимной неприязни начал таять. Вскоре мы уже хлопали друг друга по плечам и говорили с надрывом: "А ты помнишь?.."

Он спросил меня, что я собираюсь делать дальше. Я махнул рукой:

– Уеду. Что мне здесь делать? В этом городе меня никто и ничто не держит.

– И что, у тебя совсем никого не осталось? – спросил он. Интонация подразумевала: "Ты вспомни хорошенько, может все-таки кто-то есть?"

– Нет, – мрачно отрезал я. – Совсем никого.

Сундук будто повеселел, услышав это.

– Давай помянем, – он призывно наклонил бутылку.

– Давай.

Мы молча выпили еще по одной.

– А я вот тоже, понимаешь, с женой развелся, – кусочком черного хлеба он подцепил пару шпротин и закинул в рот. – Стервой оказалась. Да-а-а! – смачно протянул он. "Да кто ж с тобой согласится жить?" – подумал я, но перебивать не стал. – Нашла себе, понимаешь, богатого... Он ей в отцы годится... Зато богатый! – Сундук махнул рукой. Мы закурили...

* * *

– И вот тут, собственно, все и началось. Здесь – начало истории. А то, что я вам до этого рассказывал – неважно. Наверное...

Незнакомец в смокинге выгнул пушистые соболиные брови в крутую дугу:

– Кто знает, что на самом деле важно, а что – нет? Трудно определить. В конце концов, важно все то, что мы сами считаем важным, не правда ли?

Если бы не коньяк, я бы не знал, что и подумать: то ли это – глубокая мысль, то ли – бессмысленная тавтология. Как всегда, алкоголь явился спасительным амортизатором.

– Да, вы правы. Я сейчас маленько выпил, но соображаю четко. А тогда я был пьян, и не почувствовал никакого подвоха... Сундук сказал...

* * *

– Ребеночек у нас. Восемь лет ему. Между прочим, твой тезка. Так вот она, – тут Сундук витиевато выругался, – не разрешает мне видеться с мальчиком. А сын меня любит... И я его – тоже, – добавил он, опустив глаза, и, по-моему, даже всхлипнул.

– Ну так... Ты разберись с ней, – неуклюже посоветовал я, не вполне понимая, что имею в виду. Казалось бы, возраст и богатый опыт должны подразумевать некоторое наличие житейской мудрости... (Но скажу вам по секрету – это не так. Ни хрена я не смыслю ни в женах, ни в детях.) – Ну, там... Поговори... Что это такое? Это же твой ребенок...

Сундук скривился:

– Да она меня и близко к дому не подпускает. Ты знаешь, кто ее новый муж? А-а-а, вот то-то и оно! Он – один из самых влиятельных людей в Энске, Илья Ефимович Квасной. Это

тебе легко – приехал, уехал... И поминай, как звали. А мне здесь жить. Всю оставшуюся жизнь!

Я тупо уставился в пепельницу, полную окурков, мучительно соображая, чем еще, кроме глупых советов, я могу помочь Сундуку.

– Слышь, Серега! – и поймал себя на мысли, что в первый раз назвал его по имени – наверное, потому, что в нем появилось что-то человеческое... Оказывается, он тоже может любить и страдать. Ведь поди ж ты – у него и сын есть! А у меня и жены-то нет! – Серега! – тут я позорно икнул, но сразу же взял себя в руки. – Серега! Это дело так оставлять нельзя! Сын – это сын! Это мужчина! Наследник! Продолжатель фамилии! Серега, ты должен... – я не знал, чего он должен. Я подыскивал слова, – ты, Серега, обязательно должен...

Зато у Сундука голова работала получше моей:

– Старик! Я один не смогу. Понимаешь? Тяжело одному. Друг нужен!

Одну руку я широко простер перед собой, а второй с размаху ударил в грудь – так, что перехватило дыхание – и снова икнул.

– Ик! Серега! Если тебе нужна моя помощь, я всегда! Ты знаешь, между нами разное бывало, но если такое дело... Я готов!

У него как-то залоснились глаза. Сундук крепко обхватил меня за шею и прижался своим лбом к моему:

– Спасибо, старик! Я всегда знал, что на тебя можно положиться. Если ты и вправду хочешь помочь, то давай сделаем так... – он отодвинулся от меня, подцепил вилкой розовый кружок докторской колбасы и положил на хлеб: тонкая полоска шкурки, свисая, болталась, когда он принимался оживленно жестикулировать. Я, как замороженный, уставился на эту шкурку и уже не отводил от нее взгляд. Видимо, она была последним предметом, на котором могли улечься остатки моего внимания. Сундук бубнил, словно через подушку, – давай сделаем так. Сейчас, один хрен, лето, – я послушно кивал. – Все равно ведь – каникулы, – я снова соглашался. – Он в школу не ходит. Гуляет рядом с домом – мать его далеко не отпускает. Завтра я все подготовлю. Куплю билеты, и поедем мы с ним в круиз. По Волге. Прямо до Астрахани, а? Здорово? А ты – ты ведь и так и так уезжаешь, правда? – я с коротким мычанием боднул воздух перед собой. – Ты послезавтра, с утрачка – подъедешь и заберешь его. Привезешь ко мне. Согласен?

– Как это – подъеду? – и хотя я еще не до конца утратил способность мыслить, но мыслил явно не в том направлении, размениваясь на никчемные подробности. – На чем?

– Я тебе дам машину. У меня есть – "копейка", – отвечал Сундук. – Старая, но ездит. Ты подъедешь к дому, он тебя увидит, сядет в машину. А ты – привезешь его ко мне. И все. А мне там появляться нельзя. Вилы! – Сундук соорудил из пальцев "козу" и ткнул себя в горло. Это меня окончательно убедило.

– Конечно! – с готовностью подтвердил я. – Вилы! – и тоже ткнул его в горло. Он закашлялся.

И ничего мне не показалось странным, кроме одного: почему мы выпили вроде поровну, а он соображает куда лучше меня? А я, соответственно – куда хуже его? Поэтому я снова налил – в тщетной надежде уравнять градус – и предложил:

– Давай! За здоровье твоего сына!

Я не помню, как уснул...

* * *

Но помню, как проснулся. Сундука в квартире не оказалось, зато в холодильнике я нашел пиво: и то и другое было приятно. Я принялся восстанавливать из отдельных обрывков цельную картину нашего вчерашнего разговора – и не смог. Не получалось. Правда,

общий настрой был понятен – сработала эмоциональная память. Наконец мне удалось сформулировать несколько частных положений: 1)Сундук – тоже человек, 2)Сундук – глубоко несчастный человек, 3)я могу чем-то помочь Сундуку.

Напившись пива, я снова уснул и проспал до самого вечера...

* * *

– Готов с вами согласиться: человек, дважды просыпающийся в течение одного и того же дня – лентяй и бездельник. Но то было вчера! А сегодня? Сегодня я потерял счет своим пробуждениям! Но это ладно, полбеда. Просыпаться – не так уж и страшно. Но тот ужас, который предшествует засыпанию... Это и не засыпание вовсе! То есть, не то, чтобы постепенно, мягко, с нежными фантазиями... А все, знаете, с кровью, с кошмарами... Я хочу от этого избавиться – и не могу! Ничего не получается. Что же делать?

Незнакомец озабоченно покачал красивой головой и выстукал на крышке стола какой-то стремительный марш. Он был похож на героя-любownika из классического немого кино: этакий псевдоиспанский тип – бездонные миндалевидные глаза, тонкий нос с благородной горбинкой, пухлые чувственные губы, тоненькие острые усики и черные густые волосы, зачесанные назад и щедро набриолиненные. И наряд был соответствующим: сидящий по фигуре смокинг, ослепительно белый пластрон, изящная бабочка и в петлице – алая роза, источающая слабый аромат восточных пряностей.

Честно говоря, незнакомец выглядел несколько странно. Если бы он вздумал ходить по улицам Энска совершенно голым, то привлекал бы куда меньше внимания. И все же в его облике не было ничего надуманного или фальшивого: все настоящее и отличного качества, начиная от негромко похрустывающих крахмальных манжет и заканчивая чистейшей воды голубоватым бриллиантом на мизинце.

– Не торопитесь. Продолжайте свой рассказ. Уверяю вас, мы найдем выход! – мне понравился тот мягкий, даже немного ласковый тон, которым он произнес эти слова. Это подействовало не хуже коньяка.

* * *

– Вечером меня разбудил Сундук. Он долго звонил в дверь, затем с грохотом ввалился в квартиру и, размахивая руками, стал громко говорить:

– Старик, ты не забыл, о чем мы с тобой вчера договорились? А? Помнишь? Права у тебя есть, вот доверенность, – он помахал перед моим носом форменным бланком, сложенным вдвое, – машина стоит во дворе, – подвел меня к окну и ткнул пальцем в помятую крышу красной "копейки", – видишь?

– Угу, – пробурчал я в ответ.

– Вот ключи, – Сундук вынул связку, зачем-то позвенел ею и положил на стол. – Вот еще один, – он достал желтый плоский ключ и положил рядом со связкой. – От квартиры, куда ты должен привезти мальчика. Вот адрес, – он написал на листке печатными буквами, – улица Фруктовая, дом 24, квартира 32. Это на окраине города. Место тихое, дом идет под снос, половина жильцов уже получили новые квартиры и выехали... Короче, там довольно безопасно. Теперь слушай план. Завтра, в десять часов утра, ты должен подъехать к дому Ильи Ефимовича Квасного. Дом стоит в Черной Грязи – это пригород Энска, километрах в пятнадцати отсюда. Ты его сразу узнаешь – трехэтажный особняк из красного кирпича под железной крышей. Вокруг дома – высокая ограда. Ты у ворот не стой, а проезжай чуть подальше, в сторону придорожного магазинчика. Там остановись и жди мальчика: он придет покупать какую-нибудь сладость. Вот его фотография, смотри не перепутай, – Сундук

достал смятую карточку. На ней белобрысый кудрявый мальчишка широко улыбался, обнажая крупные редкие зубы. – Мать поит его грейпфрутовым соком, который делает сама – считает, что это полезно для здоровья. А он же горький, этот сок! Вот сын и выпрашивает в качестве награды за выпитую бутылочку какую-нибудь конфету или там... – Сундук замаялся, – "жевачку".

Я понимающе кивнул:

– Узнаю папашину породу.

– Ну ладно тебе, – отмахнулся Сундук. – Все не можешь забыть? Ты, главное, не опоздай. Будь там ровно в десять. Он уже в курсе, сам к тебе сядет. Особенно не светись – машина-то приметная. Красная. Вези его сразу на Фруктовую. Я приеду часов в двенадцать – раньше никак не могу, дела, – он развел руками. – Нужно встретить в аэропорту одного хрена из Москвы. Самолет прилетает в десять, пока то да се, до города – тридцать километров, пока его устроишь – в общем, раньше двенадцати не успеваю.

* * *

– "Хрена из Москвы"? – оживился незнакомец.

– Ну да, – попытался оправдаться я. – Это Сундук так сказал. А я просто повторил. Вы уж не сердитесь.

– Я не сержусь, – миролюбиво отозвался красавец-брюнет. – Я удивляюсь. Ни одного верного слова. Во-первых, я не "хрен", а во-вторых – вовсе не из Москвы. Ну да ладно. Прimitивный ум нуждается в простых определениях. Пусть так. Так что же, раньше двенадцати он не успевал?

– Нет! – тут уж настал мой черед оживиться. – Мало того, он приехал гораздо позже! Вы понимаете? Это очень важно! Самолет опоздал на полтора часа! Но ведь и я опоздал! Не знаю, как это получилось. Не могу объяснить!

– Интересно! – незнакомец плотоядно потер ладони. – Расскажите-ка поподробнее! Как было дело?

* * *

– Водитель – довольно распространенная рабочая специальность. Стоит ли говорить, что за годы скитаний по белу свету я овладел ею в совершенстве (как, впрочем, и пятнадцатью другими)?

Я по натуре – человек очень обязательный. Если чего обещал – сделаю.

На следующее утро я вышел из дому чуть свет. Воздух был еще прохладен и свеж, но солнце уже сменило рассветные красные одежды на рабочую спецовку обжигающего белого цвета: целый день оно будет нещадно палить, кипятить, слепить – яростно, изо всех сил.

Я открыл машину и запустил двигатель. Через пятнадцать минут я уже подробно изучил эту престарелую "копейку" вдоль и поперек, знал все ее скрытые достоинства и наспех замаскированные недостатки. Еще час ушел на то, чтобы отрегулировать карбюратор и зажигание: не могу спокойно ездить, если техника не в порядке.

Когда я закончил возиться с машиной, было девять утра. Пора выезжать. Я даже толком не позавтракал и не убрал постель – рассчитывал вернуться домой к обеду.

Взял с собой документы, ключ от квартиры на Фруктовой и листок с адресом. Захлопнул дверь, вышел во двор и поехал в Черную грязь.

Особняк Квасного я отыскал быстро – второго такого в Энске и окрестностях наверняка нет. Огромный трехэтажный дом, увенчанный двумя островерхими башенками, он напоминал то ли средневековый рыцарский замок, то ли тучного слона, задравшего хвост

и хобот одновременно. Кровельное железо было совсем свежим; оно сверкало на солнце, посылая полчища кокетливых "зайчиков" в густую клейкую листву высоких тополей, стоявших вокруг дома в виде кольца, разомкнутого в сторону дороги. Перед домом был разбит большой цветник; дорожка от крыльца к воротам выложена декоративной плиткой.

Я проехал вперед, свернул на обочину и заглушил машину невдалеке от симпатичного придорожного магазинчика. Времени еще оставалось достаточно; пешком я вернулся назад и стал рассматривать дом – сквозь ограду он был хорошо виден. Не высокий забор и не бетонная стена охраняли владения Квасного – ажурная чугунная ограда между мощных столбов, сложенных все из того же красного кирпича.

На крыльцо дома вышла молодая стройная женщина в легком белом платье. У нее были восхитительные загорелые ноги, колыхавшие короткую юбку, темно-русые волосы и быстрые карие глаза.

"Однако!" – удивился я про себя. "Сундук был женат на красавице. Может, она и впрямь редкостная стерва, но очень красива. Ей-богу, эта женщина заслуживает большего, нежели какой-то корявый Сундук. И по-моему, она прекрасно это понимает."

Женщина беспокойно оглядывалась по сторонам. В руке у нее была прозрачная плаستيновая бутылочка, наполненная бледно-желтой жидкостью. "Грейпфрутовый сок!" – догадался я.

Женщина спустилась по ступенькам крыльца (я видел, как под гладкой кожей ее ног вздувались и опадали приятные округлости мышц), прошла через цветник, машинально трогая раскрывшиеся розовые бутоны, и направилась в сторону беседки, расположенной в тени двух передних тополей. Посреди беседки, на небольшом возвышении, стоял белый пластиковый столик: в центре его – ваза с букетом свежих цветов.

Рядом с вазой женщина поставила бутылочку с соком, развернулась и пошла обратно к дому. Желая остаться незамеченным, я перебежал на другую сторону дороги и спрятался в кустах. Теперь я был на пятнадцать метров дальше от дома Квасного, зато мог не волноваться, что меня кто-то увидит. Стрелки на моих часах показывали без четверти десять.

Через пять минут на крыльце появился мальчик. Ну, тот самый мальчик: белобрысый, кудрявый, лет семи-восьми. Чистая футболка, голубые шорты и разбитые коленки с запекшимися корочками ссадин. Следом снова показалась женщина. Она что-то говорила: я, конечно же, не разобрал, что – было далеко.

Мальчик слушал, низко опустив косматую голову, и изредка кивал. Затем женщина присела перед ним на корточки и попыталась руками пригладить его непослушную шевелюру. Из этой затеи ничего не вышло. Потом она протянула ему какую-то купюру: мальчик тут же засунул деньги в карман. Мне показалось, что этот чертенок с любопытством заглядывает в оттопырившийся вырез ее платья. Женщина продолжала говорить: она положила ему в карман чистый носовой платок и через плечо показывала на бутылочку с соком. Мальчишка скривился, но, видимо, делать было нечего: он вздохнул, смешно дернув плечами, и поплелся к беседке. Взял со стола бутылочку и, нарочито морщась, выпил ровно половину. Женщина улыбнулась и одобритительно кивнула.

Они еще о чем-то говорили, но я этого уже не видел: надо было возвращаться к машине. И точно: едва я успел сесть за руль, как массивная калитка рядом с воротами отворилась, малолетний шалопай протиснулся в образовавшуюся узкую щель и сломя голову помчался по обочине, поднимая густые клубы желтой пыли.

Он подбежал к машине, уверенно открыл заднюю дверцу, кинул на сиденье бутылочку с недопитым соком и залез следом.

- Привет! – крикнул он звонко. – Это ты должен отвезти меня к отцу?
- Ну да, – ответил я. – Кто же еще?
- Тогда поехали! А то вдруг она заметит! – обеспокоенно сказал мальчик.

– Поехали, – согласился я, внимательно глядя в зеркало: мне хотелось убедиться, что никто не видел, как я увожу ребенка. По счастью, на улице не было ни души. Я завел двигатель и тронулся с места.

Мальчик молча и, как мне показалось, несколько напряженно смотрел сквозь заднее стекло.

– Никто не видел, – наконец заключил он. И, обернувшись, добавил, – ты не бойся. Все будет хорошо.

– Надеюсь, – я невольно усмехнулся.

Я не принадлежу к числу тех взрослых-зануд, которые считают, что ребенок непременно должен говорить почтительное "вы" в ответ на их бесцеремонное "тыканье". Поэтому я не посчитал его непосредственное обращение вульгарной фамильярностью, и уж тем более мне не пришла в голову дурацкая мысль сделать ему замечание. Вместо этого я сказал, пытаюсь поддержать разговор:

– Жарко сегодня. Тебе не кажется?

Погода – самая беспроблемная тема. Я никогда не разговаривал с женщинами о чем-то другом, и вот пожалуйста – результат: меня ни разу никто не заарканил.

– Жа-а-арко, – протяжно выдохнул мальчик, смешно обмахиваясь ладошкой. – Хочешь соку? – участливо спросил он.

– Может быть, и хочу, – с лукавством в голосе признался я, – но ты же обещал выпить бутылочку целиком. Разве не так? Нельзя нарушать своих обещаний.

– Нет, я не обещал выпить ее целиком, – принялся горячо возражать этот милый херувимчик. – Я обещал не выливать сок на землю. Но это еще не значит, что я обязан его выпить. Я могу угостить тебя. Почему нет?

В его словах была заключена железная логика. Я не стал оспаривать очевидные вещи:

– Хорошо. Ты прав. Можешь угостить меня.

Он открутил крышку и протянул мне бутылочку. Сок не был холодным, но приятно освежал слабой горечью и отчетливой кислинкой. Я выпил все, что оставалось.

– Спасибо, – поблагодарил я мальчика.

– Сок очень полезный, – заверил он с детской серьезностью. – Это ничего, что горький, зато там много витаминов.

– Да! Я даже чувствую, что мне стало гораздо лучше, – объявил я и рассмеялся.

* * *

– Грейпфрутовый сок – очень удобная вещь. Специфический вкус позволяет скрыть наличие разнообразных примесей, которые могут оказаться не столь полезны, как витамин С, – с иронией заметил незнакомец. – И если злоумышленник решит осуществить свой черный замысел, лучшего средства, чем грейпфрутовый сок, просто не найти.

– Вы полагаете?... – странная догадка промелькнула у меня в голове.

– Нет-нет! – незнакомец протестующе поднял руки. – Не будем отвлекаться. Мы к этому еще вернемся. А пока – расскажите, что было дальше...

* * *

– Дальше... А дальше я почувствовал непонятную слабость. Голова стала тяжелой, веки словно налились свинцом. "Проклятая жара!" – подумал я и посмотрел в зеркало – мальчик мирно спал на заднем сиденье. "Ого! Укатали сивку крутые горки," – улыбнулся я про себя и вдруг понял, что страшно ему завидую. И еще понял, что если сейчас же не остановлюсь, то усну прямо за рулем. Кругом были голые поля, но справа в отдалении виднелся

какой-то раскидистый кустарник. Осторожно, чтобы не повредить подвеску, я подъехал к нему и поставил машину в тени ветвей. Я решил, что посплю совсем немного – полчаса, а затем проснусь и продолжу свой путь. У меня было полчаса в запасе: к полудню я так и так успевал попасть на Фруктовую улицу.

Я заглушил двигатель, откинул назад сиденье и в тот же миг уснул.

* * *

– Вот и скажите мне честно, зачем и кому все это понадобилось? – напрямик спросил я незнакомца.

– Что вы имеете в виду? – казалось, он не понял моего вопроса, но я-то уже знал, что это не так. Он был очень непрост, этот незнакомец. И чем дальше, тем больше убеждался я в этом.

– Ну как что? Почему все случилось именно так, как случилось? Ведь мальчик мог выпить всю бутылочку, мог вылить остатки сока в придорожную пыль... Могло ведь случиться что угодно, но почему-то именно я допил этот чертов сок. Допил, и уснул, и проспал: вместо тридцати минут – полтора часа. Как вы это объясните?

Брюнет долго смотрел мне в глаза:

– Как объясню? Да очень просто – Сундук ведь тоже опоздал на полтора часа. А в жизни не должно быть пустот; ткань времени обязана быть плотной, как кирпичная кладка. Поэтому паузы обычно заполняют сном. Кто знает, как бы вы себя повели, если бы просидели эти полтора часа один с мальчиком в квартире на Фруктовой? А? То-то и оно. Никто не знает. Даже я. Поэтому потребовался такой простой, но действенный ход. Уж не взыщите. Кстати, многие вещи станут более понятными, если вы продолжите свой рассказ.

– Хорошо...

* * *

– Я проснулся и первым делом посмотрел на часы. Посмотрел и ужаснулся: ровно полдень. В это время я уже должен был встречаться с Сундуком. А до Фруктовой улицы оставался еще час пути. В общем, опаздывал капитально. Я оглянулся назад: мальчик все еще спал. Может, оно и к лучшему, подумал я – когда будем проезжать через город, никто его не заметит, если он будет мирно лежать на заднем сиденье. Я вырулил на дорогу и поехал по направлению к Энску: надо было добраться до города, потом пересечь его по диагонали и оказаться на противоположной окраине, и там, среди однотипных "хрущевок", найти улицу Фруктовую. Я проделал все это за час: отыскал нужный адрес, поставил машину во дворе и поднялся в квартиру номер 32. Позвонил в дверь, но никто не ответил. Сундука там не было. То ли его уже не было, то ли еще не было. Я решил перенести мальчика в квартиру и подождать еще час. Не знаю, что бы я предпринял потом, но тогда это показалось мне правильным решением.

Я так и сделал: положил спящего мальчика на продавленный диван в той комнате, что поменьше, а сам – перешел в большую, сел вот за этот вот стол, за которым мы сейчас с вами сидим, и принялся ждать.

Вы обратили внимание, какой здесь пустынный подъезд? Какая неестественная чистота? Это ненормально. У нас ведь как: если в подъезде гадят – значит, в нем живут люди. А тут – не гадят. Как только я это заметил, как только понял, что не ощущаю привычного запаха, мне сразу стало тревожно. Я понял: что-то не так. Я сидел за столом, волновался и курил. Много курил...

Через полчаса появился Сундук. Странно, но его появление не принесло мне никакого облегчения; напротив, я заволновался еще больше, словно бы предчувствовал что-то плохое. А еще говорят: нельзя, мол, верить предчувствиям. Предчувствия – это все глупости.

* * *

Незнакомец весело рассмеялся и покачал головой:

– Вот это – самая что ни на есть настоящая глупость. Заявляю вам абсолютно авторитетно: предчувствиям можно и нужно верить. Да вы, кажется, уже убедились в этом на собственном опыте? А? Не так ли?

* * *

– Да. Пожалуй, что так. Ну вот: Сундук появился через полчаса. Он выглядел немного обеспокоенным; говорил, что самолет из Москвы задержали на полтора часа, поэтому он опоздал. Я ответил, что мы сами приехали недавно – уснули оба по дороге, и что мальчик не проснулся до сих пор. Сундук прошел в соседнюю комнату, окинул беглым взглядом маленькое тело, лежащее на диване, и некоторое время молча стоял у изголовья, прислушиваясь к ровному дыханию ребенка.

Затем он вышел оттуда, сел за стол напротив меня, сощурил свои выпуклые с синеватыми белками глаза и спросил:

– А ты почему уснул? Напился, что ли? Разморило на жаре-то?

Я рассердился:

– Почему это "напился"? Ничего я не пил, кроме грейпфрутового сока. Он меня сам угостил. Там было-то – всего полбутылочки.

– Ты хочешь сказать, – прошипел Сундук, – что он выпил не ВЕСЬ сок?

– Ну да. Не весь. Половину. А что в этом такого?

Сундук как-то нехорошо улыбнулся и покачал головой:

– Ничего, – посидел в задумчивости несколько секунд и повторил, – ничего. Знаешь что? – тут он встрепенулся, будто снова вспомнив о моем существовании, – давай-ка выпьем за то, чтобы вся эта история хорошо закончилась, – он достал бутылку коньяку, ловко свернул крышку и разлил янтарную жидкость по стаканам. Мы выпили – не чокаясь. Я подумал, что он боится разбудить сына.

– Ну что? Ты рад? – спросил я его.

Он залился счастливым смехом:

– Конечно. Все получилось так, как надо. Ну, или почти все... Спасибо тебе. Выручил, старик. Ты куда сейчас собираешься?

– Домой. Я еще и позавтракать толком не успел.

– Да? – оживился Сундук. – Я тебя подвезу. Только помоги мне, пожалуйста, донести мальчика до машины.

– Конечно, – я вошел в соседнюю комнату, бережно взял на руки спящего ребенка и стал спускаться по лестнице. Сундук прихватил какой-то сверток полиэтилена, лопату и пошел следом.

Перед домом стоял большой японский джип с тонированными стеклами. Сундук достал брелок сигнализации – машина отозвалась приветливым "пиканьем" и дважды подмигнула фарами.

– Это что, тоже твоя машина? – удивился я.

– Ну да, – торопливо ответил Сундук. Он вдруг стал каким-то нервным: рывком открыл заднюю дверь, кинул на пол лопату. – Клади мальчика и поднимайся в квартиру. Надо перенести еще кое-что, – сказал он и скрылся в подъезде.

Я положил мальчишку на мягкое сиденье, обитое нежной кожей: он крепко спал; из угла рта стекала на подбородок прозрачная струйка слюны. Я тихонько закрыл машину и направился к подъезду...

* * *

Вошел в подъезд. Дверь хлопнула. Первые несколько шагов я сделал наугад: глаза не могли мгновенно привыкнуть к полной темноте. Я протянул руку и нащупал поручни перил. Стал подниматься: туда, где на лестничную клетку между этажами падали тонкие лучики света, пробивающиеся сквозь запыленное окошко.

Внезапно слышались шаги, мелькнула чья-то слабая тень. Я присмотрелся: на последней ступеньке, в паре метров от меня, стоял Сундук. Он целился мне в грудь из небольшого черного пистолета.

Грохнул выстрел. Этот звук невозможно описать. Просто грохот – и все. Но я готов поклясться, что слышал щелчок курка, удар бойка по капсюлю, взрыв порохового заряда, свист пули, скрежет затвора, тупой шлепок, похожий на чавканье, и хруст ребра – это пуля вошла в грудь чуть ниже левого соска, треск разрываемых легких, снова хруст ребра – уже сзади, со стороны спины, чирканье по бетонному полу прошедшей навывлет пули и звяканье гильзы, упавшей на ступеньку. Все это я слышал именно в такой последовательности – в последние мгновения чувства обострились до предела. Боль вспыхнула во всем теле; ни на что больше сил не оставалось, кроме как на боль, и я упал – так, что пол загудел. Сундук, согнувшись и вытянув руку с пистолетом перед собой, засеменял ко мне, целясь на ходу в голову. Раздался еще один выстрел...

* * *

Я замолчал... Картина была так жива, что меня снова охватил ужас. Однако на незнакомца рассказ не произвел сильного впечатления. Он сдержанно улыбнулся:

– Понятно. Ну так и что же, на ваш взгляд, произошло? На самом-то деле?

– Как "что"? – признаюсь откровенно, я был удивлен этим вопросом. – Он меня убил!

Незнакомец снисходительно махнул рукой, как будто речь шла о чем-то незначительном:

– Да полно вам, голубчик! Я не это имею в виду. Меня интересует, что вы думаете обо всем случившемся. В чем кроются истинные причины? Можно ли было избежать подобного финала? И если можно – то каким образом? Ну, и так далее.

– Честно говоря – не знаю, что и подумать, – искренно ответил я. – Я помог Сундуку украсть сына. Да, будем называть вещи своими именами – именно украсть. Но тогда я получаюсь соучастником – стало быть, он вполне мог надеяться на мое молчание. Зачем ему понадобилось меня убивать?

– Хорошо, – незнакомец лукаво усмехнулся. – Я вам кое-что подскажу. Три небольшие детали. Три новые краски, которые оживят картину, заставят ее выглядеть немножко по-другому. Послушайте. Во-первых, с соком, как вы уже догадались, не все благополучно – к нему была подмешана очень большая доза сильного снотворного.

– Да, – я сокрушенно покачал головой. – Я догадывался, хотя не был до конца уверен... Зачем он это сделал? И как? Ведь сок...

– Подождите, не перебивайте, – прервал незнакомец. – Во-вторых, красные "Жигули" первой модели были угнаны накануне из соседнего города. То есть официально эта машина никакого отношения к господину Сундукову не имеет и, стало быть, на его след вывести никак не может. Зато в ней полно отпечатков ваших пальцев.

– Ну да. Все в одну кучу. Я кругом виноват.

– И, наконец, в-третьих... Примерно в час дня в доме Ильи Ефимовича Квасного раздался телефонный звонок. Незнакомый сообщил, что в его руках находится сын Квасного, и что если за ребенка не заплатят выкуп – сто тысяч долларов, и ни копейкой меньше! – то он убьет мальчика.

– Подождите... – я застыл, совершенно ошеломленный. – Сын Квасного?! То есть этот мальчик – сын Квасного, а не Сундука? Вот оно что! Он моими руками украл чужого ребенка и собирался получить за него выкуп! А меня убил, чтобы свалить все на убитого и окончательно запутать следы! Вот гад! Но постойте, все равно кое-что неясно. С этим снотворным... Зачем оно потребовалось? Ведь мальчик и так согласился ехать; он сам залез ко мне в машину – ждал, что я отвезу его к отцу. Получается, мальчик должен был спать, чтобы не видеть кого-то, кого он мог узнать. Ага! Так что же, он все-таки знал Сундука? Или нет? Кто подмешал снотворное в сок? И почему ребенок должен был выпить непременно целую бутылочку? Да... Картина, конечно, приобрела новые краски, но понятнее она не стала.

– А вы не торопитесь, – посоветовал незнакомец. – Вспомните, что было дальше. Может быть, это нам поможет.

– Да, да... – рассеянно подтвердил я. – Что же было дальше?..

* * *

– Я лежал в подъезде, и словно видел себя со стороны: ноги вытянуты, вокруг головы – черная липкая лужа. По мне уже начали ползать мухи, привлеченные тяжелым густым запахом крови. Я был в ужасе. Мне казалось, что я сплю и вижу кошмарный сон. Я очень хотел проснуться. И не мог. Я старался изо всех сил – и не мог.

* * *

– Я очнулся от того, что кто-то закричал. Я открыл глаза, и сознание моментально вернулось на привычное место – точно не знаю, где оно находится. Судя по тому, что мой рот был широко открыт, а мышцы под нижней челюстью свело тряской судорогой – стало быть, и крик тоже был мой...

Я машинально охлопал себя по карманам в поисках сигарет, закурил и оглянулся. На заднем сиденьи мирно спал мальчик, подтянув колени к животу. Кудрявая прядь белых волос, свесившись со лба, переливалась и блестела на солнце.

Увидев мальчика, я успокоился. "Значит, это был только сон." Но странно – чем больше я старался убедить себя в этом, тем меньше в это верил. Меня одолевали нехорошие предчувствия. Я вышел из машины, чтобы слегка размяться. Очень хотелось пить.

Часы показывали полдень. "Ничего, подождет", – подумал я, имея в виду Сундука.

В этот момент со стороны дороги послышался надсадный гул мощных моторов, рассерженное шуршание широких шин по пересохшему шершавому асфальту и обрывки веселой мелодии, разбросанные ветром как попало, безо всякого порядка. Плавно покачиваясь, неспешно катились разноцветные фургоны передвижного цирка шапито.

Все повторялось. Или я во сне предвосхитил будущие события?

Дождавшись, когда повозки циркачей скроются из виду, я сел за руль и поехал на улицу Фруктовую. Дорога показалась мне знакомой, хотя раньше ездить по ней не приходилось.

Ровно через час я подъехал к назначенному месту. Вошел в подъезд и стал подниматься по лестнице. Дойдя до того места, где я лежал во сне, убитый подлым Сундуком, я остановился, осветил зажигалкой пол и внимательно пригляделся. Не знаю, что я надеялся там увидеть. Кровь? Чью? Ведь я был еще жив. Эта мысль показалась мне забавной. Особенно слово "еще".

Я поднялся этажом выше и позвонил в 32 квартиру. Никого. Меня это не удивило! Вот что странно! Я словно знал все заранее.

Я спустился на улицу, взял мальчика на руки и принес его в квартиру. Положил на продавленный диван в той комнате, что поменьше, а сам сел за стол – в той, что побольше.

Вскоре появился Сундук. Я посмотрел на часы – прошло полчаса после нашего приезда. Совпадения продолжались. Меня уже нельзя было застать врасплох. Я был готов.

– Извини, старик, опоздал. Самолет из Москвы задержали на полтора часа, – он заискивающе развел руками. Глаза его бегали.

– Ничего, – ответил я. – Мы тоже совсем недавно приехали. Понимаешь, вдруг очень захотелось спать. Ну, я съехал с дороги, и мы проспали полтора часа. А мальчик – тот до сих пор спит.

Сундук встал, прошел в соседнюю комнату, окинул беглым взглядом маленькое тело, лежащее на продавленном диване, и некоторое время стоял у изголовья, молча прислушиваясь к ровному дыханию ребенка.

Затем он вернулся, сел напротив меня, покрутил своими выпуклыми глазами и спросил:

– А ты почему уснул? Напился, что ли? Разморило на жаре-то?

Я рассердился:

– Почему это "напился"? Ничего я не пил, кроме грейпфрутового сока. Он меня угостил. Половину выпил он, а половину – я.

– Ты хочешь сказать, – прошипел Сундук, – что он выпил не ВЕСЬ сок?

– Не весь. Говорю ж тебе – половину. А что в этом такого?

Сундук как-то нехорошо улыбнулся и покачал головой:

– Ничего, – посидел молча и повторил, – ничего. Знаешь что? – тут он встрепенулся. – Давай выпьем за то, чтобы все хорошо закончилось, – он достал бутылку коньяку и собиравшись уже ее открыть, но я остановил его.

– Постой. Стаканы какие-то грязные. Надо сполоснуть, – я встал и обошел вокруг стола. – Что это за коньяк? Небось, палёный? – я протянул руку и взял бутылку, крепко стиснув узкое горлышко.

– Обижаешь, – прогнусил Сундук. – Самый настоящий. А стаканы – да хрен с ними... – он не договорил. Я размахнулся и со всей силы опустил бутылку на его коротко стриженный затылок. Стекло разбилось; осколки посыпались на пол, на стол, ему за шиворот; янтарная влага растеклась по шее, отмеченной следами многочисленных фурункулов; по комнате поплыл нежный пьянящий аромат; Сундук уронил голову на руки и затих.

Прежде всего я обыскал его. Достал из левой подмышки небольшой вороненый пистолет, резко пахнувший железом, ружейной смазкой и терпким потом. Затем вытащил из брюк ремень. Оборвал в ванной комнате и на кухне бельевые веревки и крепко связал Сундука.

Когда-то я ходил по Лене – простым матросом. Недолго – одну навигацию. Конечно, всей речной премудрости не постиг, зато узлы научился вязать – на славу. Теперь это пригодилось. Сам бы он ни за что не распутался – я был уверен. Накинул на всякий случай ему на шею петлю – таким образом, что она начинала затягиваться, стоило только Сундуку пошевелиться.

Ну вот – так-то лучше! Я еще раз осмотрел вещи, найденные в карманах Сундука: там оказались ключи от машины и документы. Я достал те документы, которые он дал мне

на "копейку". Так и есть! Липовые! Надо было раньше это заметить! Я смял поддельную доверенность и бросил на пол.

* * *

– А ведь я тогда еще не знал эти ваши подсказки, – перебил я сам себя, обращаясь к незнакомцу. – То есть, про снотворное – догадывался. Про машину – тоже. Но я продолжал думать, что Сундук – отец мальчика. И эта была моя самая большая ошибка.

– Ну конечно, – мягко пропел незнакомец. – Конечно, мой дорогой! Но, с другой стороны, откуда вам было это знать?

– Действительно, – согласился я. – Откуда?

* * *

– Я решил воспользоваться машиной Сундука. Это оказался большой красивый джип с тонированными стеклами. Я подумал, что надо обо всем рассказать матери мальчика – надеялся, что она поймет. Я решил не брать с собой ребенка – а вдруг она не захочет меня слушать, вызовет охрану, а охрана – милицию, и посадят как похитителя. Нет. Я хотел объяснить ей, как все произошло на самом деле – и пусть сама разбирается со своим бывшим мужем. В общем, глупо, конечно, но я побоялся нести ответственность за все в одиночку.

И поехал к дому Квасного. Джип оставил на въезде в поселок Черная Грязь, и дальше пошел пешком. Увидел знакомую ограду и встал в отдалении – так, чтобы не привлекать к себе внимания.

Мне казалось, что я ждал очень долго, пока выйдет эта женщина. Но вот наконец она появилась на крыльце – а прошло-то всего пятнадцать минут – и направилась к беседке. Она взяла вазу и вытащила из нее цветы. В этот момент я подбежал к ограде и окликнул ее:

– Эй! Послушайте!

Женщина резко обернулась и посмотрела на меня. Я замахал ей рукой, подзывая:

– Послушайте! Мне очень нужно с вами поговорить!

Она сделала несколько шагов ко мне и остановилась:

– Кто вы? Что вам нужно?

– Послушайте! – сказал я громким шепотом. – Сегодня утром я увез вашего сына.

Она вздрогнула и оглянулась – нет ли кого-нибудь поблизости, потом обернулась ко мне и сказала, тоже понизив голос:

– Так это вы – похититель?

– Да... То есть, я не хотел... Он мне сказал, что это – его сын. И что вы не разрешаете им встречаться.

– Кто сказал?

– Сундук... То есть, Сергей Сундуков. Вы знаете такого?

– Знаю, – она была обескуражена.

– Он ведь – ваш бывший муж? – спросил я, заранее предвидя ответ.

– Нет, – сказала она и убила меня этим наповал.

– Как нет? Но он, по крайней мере, отец ребенка? – все совершенно запуталось.

– Нет, – повторила она.

– Послушайте, – сказал я. – У меня голова идет кругом. Да еще эта жара... Мне кажется, я сейчас тронусь рассудком. Я вас умоляю: поедьте со мной, заберите мальчика. А с Сундуком делайте, что хотите. Не бойтесь меня, я не преступник. Я – нормальный человек, просто очень легковверный. Сундук меня обманул. По-моему, он замышлял что-то очень нехорошее.

Поедьте, прошу вас. Только не говорите об этом никому. Я не хочу сидеть в тюрьме. Я хочу исправить свою ошибку.

Она согласилась! Она сказала:

– Подождите, я сейчас к вам выйду, – и направилась к калитке.

Я ликовал: Боже, что за женщина! Она святая! Ради сына готова поехать с первым встречным! Она ничего не боится! Сколько в ней мужества и чистоты! Как я был рад!

Должен признаться честно – я не большой знаток женской натуры. Частая, почти калейдоскопическая смена подружек и любовниц отнюдь не способствовала их детальному изучению. Поэтому женщину я знаю только до определенного момента – как затащить ее в постель – включая, разумеется, и сам момент.

Она подошла ко мне и спросила:

– Что с мальчиком?

– Вы только, ради Бога, не волнуйтесь! – пытался я ее успокоить. – С ним все в порядке, – мы поспешили к тому месту, где стоял джип. – Просто он спит. Я подозреваю, что кто-то дал ему снотворное. Поэтому он так крепко спит. Я даже думаю, что снотворное было в грейпфрутовом соке – потому что я выпил полбутылочки и тоже уснул.

Мы сели в машину. Я развернулся и поехал обратно, на Фруктовую.

– А откуда вы знаете Сундука? – эта мысль не давала мне покоя: кто же он такой на самом деле?

– Сергей Сундуков – первый помощник и правая рука моего мужа, Ильи Ефимовича Квасного, – отчеканила она, как по писаному.

От неожиданности я вздрогнул: машина резко вильнула, и мы чуть было не свалились в кювет.

– Вот оно что! Так он... Значит... А кто же тогда отец ребенка? – я попытался хоть как-то упорядочить тот хаос, который царил у меня в голове.

– Илья Ефимович, конечно же! – она произнесла это с нескрываемым возмущением.

– Черт возьми! – вырвалось у меня. – Так я украл... Точнее, моими руками Сундук украл сына Ильи Ефимовича Квасного?! Тогда неудивительно, что он хотел меня убить – можно было все свалить на мертвого. Но зачем ему это понадобилось? Зачем похищать чужого сына?

– Как зачем? А разве это не вы звонили? Мне показалось, что голос похож...

– Куда звонил? Кому? Нет, я никому не звонил! А в чем дело?

– Понимаете, около часу дня кто-то позвонил и сказал, что ребенок похищен и спрятан в надежном месте. А если мы хотим снова увидеть его живым, то надо заплатить выкуп – сто тысяч долларов.

– Деньги! Вот оно что! Ну как же я сразу не догадался? Все это – ради денег. Точно! Теперь все ясно, как день! Сундук с моей помощью похищает ребенка своего шефа и требует за него выкуп. Сундук рассчитывает убедить патрона расстаться с деньгами. И при этом выступить посредником между похитителями и родителями. А на деле все гораздо проще – он хотел убить меня и присвоить денежки. А счастливому отцу – привезти назад сына. Понятно, зачем он подсыпал снотворное в сок – мальчик не должен был его узнать. Мальчик должен был все время спать. Чтобы отвести от себя даже самую тень подозрения, Сундук сооружает хитроумное алиби: он едет вместе с шефом в аэропорт – встречать партнера Квасного. Изящно! Молодец! Это ж надо – все так придумать! Его подвели мелочи: во-первых, я случайно попробовал этот сок и тоже уснул. Так у меня появились подозрения. А во-вторых, у меня появились предчувствия. А предчувствия – это вам не просто так. Это не глупости. Это что-нибудь, да значит! Правда? – воскликнул я, обращаясь к молодой красивой женщине, сидевшей рядом со мной – жене Квасного. Воскликнул и залился радостным смехом. Она посмотрела на меня – как-то очень странно. Наверное, решила, что я спятил.

– Вы мне не верите? А вот это что? – я вытащил из кармана пистолет, который отобрал у Сундука, и показал ей. – Как вы думаете, для чего ему был нужен пистолет? Я вам отвечу: чтобы убить меня. Этот пистолет нужен для того, чтобы убить меня, – громко повторил я. Зачем? Не знаю. Вырвалось. Помимо моей воли. Самое страшное, что так оно и оказалось на самом деле...

* * *

Мы подъехали к дому на улице Фруктовой. У подъезда одиноко застыла красная "копейка". Только сейчас я обратил внимание, что ни на одном из окон нет занавесок. Видимо, Сундук солгал, сказав, что жильцы наполовину выехали: скорее всего, в доме давно уже никто не жил. Тихое пустынное место – оно идеально подходило для злодейского убийства.

Женщина боязливо озиралась – я могу ее понять. Честно говоря, мне тоже было не по себе. Странно, но я так и не спросил, как ее зовут: мне почему-то казалось, что это не очень прилично.

Я услужливо распахнул перед ней двери подъезда, но она не шелохнулась. Мысленно выругав себя за неуместную учтивость, я первым шагнул в затхлый полумрак.

Поднявшись на площадку между этажами, я невольно посмотрел под ноги: пол был чистый. Я уверенно зашагал дальше. Открыл плоским желтым ключом квартиру и вошел, держа наготове пистолет.

Сундук, надежно связанный, лежал на полу и хрипел. Он уже очнулся. Веревка все сильнее врезалась ему в горло, поэтому он старался не двигаться и даже дышал неглубоко. Лицо его посинело и распухло, а на шее виднелась широкая красная борозда.

Мальчик по-прежнему мирно посапывал на обшарпанном диване.

– Ну вот, видите, – я торжествующе повел рукой. – Я вас не обманывал. Это все он, гад, – и ткнул пальцем в Сундука.

Молодая красавица судорожно вздохнула и, пошатнувшись, привалилась к стене. Обеими руками она ухватила себя за виски и закатила глаза.

"Только этого мне сейчас не хватало: чтобы она грохнулась здесь в обморок!" – недовольно подумал я; подошел к ней, взял крепко за локоть и спросил:

– Вам плохо?

Наверное, она почувствовала в моем голосе некоторую строгость; в ту же минуту она взяла себя в руки и через силу попыталась улыбнуться:

– Нет, все в порядке... А что мальчик? Он спит?

– Спит... И видит сны, – отвечал я. – Надеюсь, это хорошие сны. А когда он проснется, все уже закончится.

– Да... – она машинально кивнула. – Закончится, – и продолжала, не двигаясь, стоять у стены.

– Послушайте, – я немного встряхнул ее, чтобы привести в чувство. – Давайте действовать маленько побыстрее: мне кажется, здесь не самое лучшее место для того, чтобы предаваться раздумьям и мечтаниям.

– Хорошо, – сказала она. – Заберите мальчика и уедем отсюда.

– Это само собой разумеется, – заверил я ее. – А с ним что будем делать? – и показал на Сундука.

Он лежал и прислушивался к нашему разговору. Думаю, он все слышал, но сказать ничего не мог – мешала петля.

– С ним? – повторила она. – Оставим здесь. Я приеду домой, расскажу обо всем мужу, и он сам решит, что с ним делать. А вы что предлагаете?

– Да нет. Ничего. Меня этот вариант вполне устраивает, – поспешил согласиться я. – Лишь бы он больше меня не донимал. Ну, теперь-то вы верите, что я говорил правду?

– Да... – она затрясла головой. – Да, конечно. Берите мальчика и поскорее уедем отсюда.

Я понимающе усмехнулся (Боже, как я глупо тогда выглядел!) и направился в соседнюю комнату, чтобы взять ребенка, но она меня остановила.

– Нет, не оставляйте меня здесь одну! – с жаром сказала она и сжала мою руку изо всех сил. – Я боюсь оставаться с ним наедине. А вдруг он развяжется?

Если бы вы видели ее тогда! Восхитительные густые волосы, выгорев на солнце, пахли совершенно замечательно – неповторимой свежестью и теплом; так пахнут морские водоросли, выброшенные на берег пенным прибоем. Влажные карие глаза смотрели с мольбой; сверкающая слезинка катилась по румяной щеке, растрачиваясь на блистающую дорожку – так капля воска скользит по свече, освещенной изнутри собственным дрожащим пламенем. Сухие горячие пальцы нервно сплетались на моем запястье волнующим кружевом. Конечно же, я не удержался и заглянул в вырез ее платья (можно подумать, вы на моем месте поступили бы иначе); белая упругая грудь, как это принято писать в романах, вздымалась; на крупных коричневых сосках отчетливо был виден каждый рубчик.

Пытаясь успокоить, я прижал ее к своей груди и воровато поцеловал в макушку; и голова моя закружилась от чарующего запаха роскошных волос.

– Не бойтесь! Он не развяжется, – выдавил я из себя, весь залившись горячей краской.

Видимо, это обстоятельство лишило мои слова должной убедительности; она еще больше задрожала и, уткнувшись мокрым лицом в мои ладони, прошептала:

– Рядом с вами я не боюсь ничего... А без вас мне страшно! – я совсем размяк и потек, будто масло на сковородке. – Дайте мне хотя бы пистолет, чтобы я смогла защититься!

Конечно же, я лишился рассудка. Это очень даже просто, когда имеешь дело с ТАКОЙ женщиной. Я отдал ей пистолет. Снял с предохранителя, передернул затвор, дослал патрон в патронник и взвел курок. В общем, я не сделал только две вещи: не приставил ствол к своей голове и не нажал на спуск. Хотя мог бы, попроси она меня об этом.

Я отдал ей пистолет. Вошел в соседнюю комнату, бережно взял на руки ее сына и стал осторожно спускаться по лестнице.

Вышел на улицу, открыл машину и положил мальчика на заднее сиденье. Затем тихонько, чтобы не разбудить его, притворил дверцу джипа и вернулся к подъезду.

* * *

Вошел в подъезд. Гулко хлопнула дверь. Я нащупал гладкие холодные перила и стал подниматься. Когда поднялся до середины пролета, на лестничной площадке вдруг раздались быстрые шаркающие шаги, и буквально в паре метров выросла чья-то бледная тень. Это была она. Она держала в руке небольшой черный пистолет и целилась мне в грудь.

Оглушительно грохнул выстрел... Тугая волна пороховых газов ударила меня по щекам, и словно раскаленная спица вонзилась между ребер. Я опрокинулся навзничь. Последнее, что я успел увидеть – это легкое белое платье и черный зрачок пистолета, уставившийся мне в лоб...

* * *

Странно, но незнакомца это позабавило. Он раскатисто засмеялся приятным бархатым баритоном:

– Ну что же вы так, голубчик? Сплоховали-то? Право же, не знаю... Ну разве так можно? Почему вы верите всем без разбора? Нельзя же быть таким наивным, – он укоризненно покачал головой. – Рано или поздно терпение судьбы может иссякнуть, и она перестанет подбрасывать вам шансы и предоставлять возможности – все равно вы их не используете.

Я сокрушенно вздохнул:

– Да, вы правы... Бес попутал...

Незнакомец погрозил мне пальцем:

– Ну при чем здесь бес? Он-то как раз не виноват. Вы сами себя запутали, а мне теперь приходится искать концы и увязывать их друг с другом. Почему вы поверили этой женщине? Только потому, что она дрожала, прижимаясь к вам? Это что, по-вашему, веская причина? А я-то думал, вы все поняли, когда догадались, что с соком что-то неладно. Ну скажите, кто еще мог подсыпать снотворное в свежеприготовленный сок? Уж никак не Сундук, правда?

– А кто же? – я похолодел. – Неужели она? Мать?

Брюнет презрительно поморщился:

– Какой вы, однако, скучный тип... И зачем я только взялся вам помогать? Что вы знаете об этой женщине? Сундук сказал, что она – мать ребенка. Ну так он много чего сказал, и все это оказалось неправдой. Стоит ли верить словам Сундука? – незнакомец поджал губы и покачал головой. – Нет. Попробуем зайти с другой стороны. Что вы знаете об этой женщине наверняка? Что она жена Квасного. Но из этого вовсе не следует, что она – мать его ребенка. Согласны?

Я молча кивнул, потрясенный ужасной догадкой.

– Она – не мать, – продолжал брюнет. – Она – молодая симпатичная мачеха, и сорванец при каждом удобном случае норовит заглянуть в вырез ее платья или под юбку. От этого нелегко удержаться, не так ли? А вы-то небось, подумали, что мальчишка одержим эдиповым комплексом? Полноте... Все эти фрейдистские выдумки – сущая ерунда. Открою вам один секрет: старик Зигмунд сам был не вполне здоров – вот откуда взялись его нелепые фантазии. Ну да ладно. Речь сейчас не об этом. Меня гораздо больше интересует то, как вы представляете себе получившуюся картинку. Теперь для вас уже не подлежит сомнению, что эта женщина действовала заодно с Сундуком?

– Но зачем? – недоумевал я. – Они что, любовники? Они хотели разделить выкуп?

Незнакомец сморщился, как от зубной боли, и замахал на меня руками:

– Мыслитель из вас, прямо скажем, никудышный. Зато рассказчик неплохой. Вы уж лучше продолжайте – может, чего и поймете по ходу дела. Ну? Так что было дальше?

* * *

– Я лежал в подъезде на холодном бетонном полу, и острые ребра ступеней впивались в мою коченеющую спину. Я хотел встать и уйти оттуда, но не мог. Тоскливый ужас медленно копился во мне. С каждым разом – ну, вы понимаете, что я имею в виду! – его становилось все больше и больше. Он не исчезал после пробуждения, он оставался лежать тяжким грузом на сердце. Еще немного – и он окончательно придавил бы меня к земле.

К счастью, я вскоре очнулся: от того, что кто-то закричал. Судя по всему, этот "кто-то" был я сам. Я пришел в себя самого, сидящего за рулем старой красной "копейки". Машина стояла под большим раскидистым кустом, который одиноко рос посреди широкого поля.

На заднем сиденье мирно спал белокурый мальчик, подтянув колени к животу. Часы показывали ровно полдень. Все повторялось...

Все повторялось, и поэтому я повторяться не буду. Я не буду подробно рассказывать, как приехал на Фруктовую, как отключил Сундука, разбив об его голову бутылку, как связал его, достал пистолет и поехал к дому Квасного.

Я начну с того момента, когда я увидел его жену. Я окликнул ее, подозвал к забору и вкратце объяснил, в чем дело. Однако теперь я мог видеть чуть дальше собственного носа. Некоторые вещи вызывали у меня сильные сомнения.

Ну, во-первых, сок. С ним было что-то неладно. Скорее всего, в нем плавала лошадиная доза снотворного, которая свалила с ног не только маленького мальчика, но и меня, здорового крепкого мужчину.

Второе – документы на машину были поддельными. Сам Сундук ездил на дорогом джипе, а меня уверял в том, что у него – старая "копейка".

Это тоже не случайно.

Затем – пистолет. Зачем ему пистолет? Ведь не просто же так.

* * *

Мы уже ехали обратно, на Фруктовую. Она что-то говорила, но я почти не обращал внимания – был погружен в свои мысли.

– Откуда вы знаете Сундукова? – машинально спросил я, повторяясь.

– Сергей Сундуков – первый помощник и правая рука моего мужа, Ильи Ефимовича Квасного, – отчеканила она.

– А кто же отец ребенка? – спросил я, заранее предчувствуя, что услышу сейчас что-то важное. Что-то важное и почти предсказуемое.

– Как кто? – она произнесла это с легким возмущением. – Илья Ефимович, конечно же.

– Понятно, – меня это не удивило; теперь я ожидал любого поворота событий. – Выходит, Сундук моими руками украл сына у господина Квасного? Но зачем ему понадобилось красть ребенка у своего шефа?

– Как зачем? А разве это не вы звонили?

– Куда звонил? – репетиции не прошли даром; теперь эта роль давалась мне легко.

– Мне показалось, что голос тот же самый... Около часу дня раздался звонок: неизвестный сказал, что похитил ребенка и потребовал выкуп – сто тысяч долларов.

Я кивнул:

– Ну да. Нечто похожее я как раз ожидал. Но все же... – я не договорил. Точнее, договорил, но про себя: "Но все же мне непонятно, как Сундук смог добраться до свежеприготовленного сока, а кроме того, мне совершенно непонятно, почему ты, красавица, такая темненькая, а сын у тебя – беленький, словно одуванчик? И потом: если ему – лет восемь, то во сколько же ты его тогда родила? В пятнадцать? А забеременела – в четырнадцать? Ох, что-то не сходится...". Снова меня одолели предчувствия.

Я подъехал к дому, поставил машину и мы вместе поднялись в 32 квартиру.

Сундук уже весь посинел и тихонько хрипел. Я не удержался от соблазна: легонько ткнул его ногой в живот. Он дернулся, петля затянулась на шее, Сундук посинел еще больше, и его выпуклые, словно у морского окуня, глаза прямо-таки выкатились из орбит.

– Что мы с ним будем делать?

– Ничего. Оставим здесь. Как только я приеду домой, расскажу обо всем мужу: он разберется.

Я согласно кивнул:

– Надеюсь, это правильное решение. А сейчас – надо забрать ребенка и уезжать отсюда.

– Да, да... Конечно, – слабеющим голосом проговорила она и вдруг покачнулась. Я подхватил ее и усадил на стул. Она благодарно улыбнулась.

– Я возьму мальчика и отнесу его в машину. А потом вернусь за вами, – сказал я и направился в соседнюю комнату, но она меня остановила:

– Подождите! Не оставляйте меня наедине с этим подонком! Я боюсь – а вдруг он развяжется!

– Ну что вы! Не развяжется, – подбодрил я ее. – А впрочем, если боитесь... Вот, возьмите, – я протянул ей пистолет. – В случае чего – стреляйте без предупреждения.

Я бережно взял ребенка на руки и стал спускаться на улицу. Вышел из подъезда, аккуратно положил спящего мальчика на заднее сиденье машины и поспешил обратно.

* * *

Нащупав гладкие холодные перила, я стал подниматься по лестнице. Когда до площадки между этажами оставалось всего несколько ступенек, прямо перед моими глазами мелькнула бледная тень. Затем раздался... сухой щелчок, и больше ничего.

Женщина злобно вскрикнула и с досадой бросила пистолет на бетонный пол.

– А патроны? Как же вы собирались стрелять, если патроны – у меня? – я преодолел последние ступеньки, подошел ближе и, хорошенько размахнувшись, коротким хуком справа послал ее в нокаут. Она сильно ударилась головой об стену и сползла к моим ногам. Я считаю, расхожая мысль о том, что женщин бить нельзя – обычное заблуждение. Предрассудок, на который не стоит обращать внимания.

Я нашел на полу пистолет, достал из кармана обойму и вставил ее в рукоять. Передернул затвор, дослал патрон в патронник. Затем взвалил обмякшее тело на плечо и продолжил путь в злополучную квартиру № 32.

Сундука она развязать не успела. Да и не смогла бы – я так его взнуздал, что любая попытка освободиться от пут грозила немедленным удушением. Его веревки можно было только разрезать, а у нее даже пилочки для ногтей с собой не было.

Сундук лежал и хрипел. Поделом!

Я связал ее остатками веревки; петлю делать не стал, но для верности несколько раз пропустил концы позади батареи парового отопления.

Ну вот и все! Теперь я не боялся, что они смогут чудесным образом выпутаться, пока я буду ездить за Квасным.

Ведь он должен наконец узнать, кого пригреб на своей груди!

* * *

Илья Ефимович Квасной оказался тучным лысым человеком лет пятидесяти. Он вышел на крыльцо, спустился к цветнику, и тут я его окликнул:

– Илья Ефимович! Илья Ефимович!

Он подошел к ограде, и я быстро изложил ему суть дела. Дважды он прерывал мой рассказ короткими приглушенными проклятиями, а потом схватился за сердце, посерел и сказал осипшим голосом:

– Подождите, я схожу в дом – за лекарством, и сейчас же вернусь. Если все так, как вы говорите – им несдобровать! – и ушел, чуть прихрамывая.

Через пару минут он вернулся: вышел через калитку и, поминутно оглядываясь, поковылял ко мне. Я стоял, притаившись за одним из кирпичных столбов, на которых держалась ограда. В этот момент на крыльце дома показался очень колоритный персонаж: высокого роста красавец-брюнет, с тщательно зачесанными назад и набриолиненными волосами. На нем был изящный смокинг (несмотря на адскую жару), на шее красовалась бабочка и в петлице – алая роза. Перехватив мой удивленный взгляд, Квасной сказал:

– Это мой деловой партнер. Сегодня утром прилетел из Москвы. Мы ведем с ним важные переговоры. Так что давайте поторапливаться – у меня еще много дел.

Мы сели в черный джип, развернулись и поехали на Фруктовую. У меня было время, чтобы задать Квасному несколько вопросов.

– Скажите, Илья Ефимович, – спросил я, – а был ли телефонный звонок с требованием выкупа? Около часу дня?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Я все время беседовал со своим партнером. Мне никто ничего не говорил об этом.

– Странно... Зачем тогда вообще потребовалось звонить? – недоумевал я. – Возможно, разговор записали на пленку... А может, никакого звонка и не было?

– Все может быть, – отрезал Квасной.

– Скажите, – продолжал я, – а ведь ваша нынешняя жена – не родная мать мальчика?

– Нет, – Квасной заметно нервничал. – Не родная. Его мать умерла не так давно. Я... хотел... залечить эту рану. Я думал, что женская ласка сможет хоть как-то облегчить для него тяжесть утраты... Поэтому и женился снова. Но, видимо, я поторопился.

– Да уж... Похитить собственного пасынка для того, чтобы вымогать деньги у мужа... На что они только рассчитывали? Вот для чего потребовалось столько снотворного – чтобы мальчик ничего не помнил. Ну, а из меня хотели сделать козла отпущения. Не вышло! – я рассмеялся.

Квасной достал из кармана большой платок и принялся вытирать лысину и шею:

– Ну что, скоро приедем?

– Да... Потерпите, осталось совсем немного, – успокоил я его. Мне были понятны его чувства.

Мы подъехали к дому на Фруктовой. Я поставил джип рядом с "копейкой".

Квасной грузно выпрыгнул из машины. Он широко открывал рот, словно рыба, выброшенная на берег, и тяжело дышал.

– Идите вперед, – сказал он мне, как человек, привыкший распоряжаться. – У вас пистолет, а я безоружен.

Я согласился и шагнул в подъезд первым.

* * *

Нащупав перила, я стал осторожно подниматься, держа оружие перед собой. Позади раздавалось свистящее дыхание Квасного. Он громко топал и вообще издавал много лишних звуков. Но мне было не до него; я ждал засады. Я пристально всматривался в темноту, сосредоточив на этом все свое внимание. Поэтому я не смог вовремя среагировать, когда за моей спиной послышалось злое металлическое лязганье. А когда до меня наконец дошло, что происходит, было уже поздно. Грянул выстрел. Меня отбросило вперед, и я упал на ступеньки, жадно хватая губами обжигающий воздух. Квасной взобрался чуть повыше; я почувствовал ствол пистолета, упертый в мой затылок; прогремел второй выстрел...

* * *

– Да... – незнакомец покачал головой, – вашей участи не позавидуешь. Однако ж вы снова проснулись?

– Да. В машине, посреди поля, под кустом. На заднем сиденье спал мальчик. Часы показывали двенадцать. Я завел двигатель и приехал сюда. Я не знал наверняка о том, что будет дальше, но был готов ко всему. Сундук, молодая женщина, Квасной, – все они лежат

здесь, связанные, – я махнул рукой за спину незнакомцу. – Но что толку? Я не могу обратиться в милицию: во-первых, моя вина слишком очевидна, а, во-вторых, Квасной очень влиятельный человек, и ему поверят скорее, чем жалкому бродяге. Просто оставить их здесь я тоже не могу. И как быть с мальчиком? У меня оставалась последняя надежда – это вы. Тогда я снова поехал к дому Квасного – и вот, привез вас сюда. Помогите! Прошу вас! Я не хочу мучиться этим кошмаром! Я не хочу постоянно погибать и лежать убитым в подъезде! Я не могу больше выносить эти ужасные пробуждения! Умоляю вас, сделайте что-нибудь! За что мне это наказание?! Помогите! Я знаю, вы можете все изменить!

Незнакомец ловко вылил остатки коньяка в мой стакан.

– Не кричите! Вот, выпейте.

Я выпил.

Он ласково потрепал меня по плечу:

– Успокойтесь! Уверю вас, вы сильно преувеличиваете мои возможности. Я не могу ничего исправить. Все, что должно было произойти, произошло. Остановить Время – не в моей власти. Я – раб существующего положения вещей, и ничего не могу изменить. Но вы – можете.

Сердце мое радостно забилося, я покрылся горячим потом и закричал:

– Что?! Что я должен сделать?

Он улыбнулся:

– Немного. Хотя и немало. Вы должны совершить поступок. Тот, Кто Сдает Карты, не любит грустный финал. Особенно, если это касается невинных. Совершите поступок, и вам зачтется. Вы дважды пытались опередить ход событий – напрасный труд, голубчик. Попробуйте в последний раз – сделайте что-нибудь стоящее.

Я озабоченно посмотрел на незнакомца:

– Боюсь, я не совсем хорошо вас понимаю. Какой поступок? Не могли бы вы объяснить, что имеется в виду?

– Нет, – ответил он твердо, – объяснить не могу. Мне не позволено влиять на ваш выбор, – он ненадолго задумался. – Но я вам кое-что расскажу. Полагаю, это не будет нарушением правил. А? – обратился он к кому-то в пустоту и громко рассмеялся. – Так вот. Шесть лет назад милейший человек Илья Ефимович Квасной встретил очаровательную блондинку с годовалым ребенком на руках. Илья Ефимович влюбился, как мальчишка. Пользуясь бедственным положением красавицы, он все-таки добился своего. Не сразу, конечно, но добился – она стала его женой. Ребенка он усыновил.

Однако время шло. Вместе с ним прошла и любовь. И вот – примерно полтора года назад – Илья Ефимович встретил другую женщину. Шатенку. Ту самую, которая так замечательно готовит грейпфрутовый сок. Илья Ефимович снова влюбился. И снова захотел жениться. Но блондинка оказалась упрямой: сначала она не хотела выходить за Квасного замуж, теперь она не хотела с ним разводиться. Что делать? Верный слуга, господин Сундуков, предложил помочь. Квасной согласился. Через неделю блондинка умерла. "От сердечной недостаточности" – так было написано в официальном заключении. Что ж поделать, коли такая беда? Но Илья Ефимович недолго оставался вдовцом. Не успев снять траур, он снова побежал к алтарю.

А ребенок-то растет. Ему – восьмой год. И он никому не нужен.

Молодая жена вскоре беременеет. Она ловко пользуется этим: устраивает Квасному постоянные скандалы – "почему наш родной сын должен делить огромное наследство с приемным"? На Квасного это действует. А Сундуков, как всегда, готов помочь.

Каждый преследует свою цель: если мальчик исчезнет, то шатенка становится единственной наследницей. А Сундуков, в свою очередь, хочет покрепче "связать" шефа детоубийством. Дело пытаются представить так, будто мальчика кто-то похищает с целью

выкупа. Квасной тоже не прост: он не очень-то доверяет Сундукову, и хочет избавиться от него, свалив на помощника вину за похищение ребенка. Но Сундуков предчувствует это и лихорадочно ищет выход. А тут подворачиваетесь вы. Идеальная кандидатура! Лучше не найти.

Накануне вечером Сундуков рассказывает мальчику, что видел в городе его настоящего отца. Он обещает помочь им встретиться. "Завтра приедет мой приятель и отвезет тебя к отцу", – заявляет Сундуков. А сам в это время вместе с Квасным едет в аэропорт – встречать делового партнера Ильи Ефимовича. Прекрасное алиби! Да еще и самолет задерживается на полтора часа – просто великолепно!

Правда, вы несколько спутали их планы: выпили половину сока. Доза снотворного была рассчитана таким образом, чтобы мальчик уснул и больше никогда не проснулся. Они, конечно, злодеи, но собственноручно убивать детей им раньше не приходилось. Это, знаете ли, дело весьма щекотливое. Одно дело – передозировка снотворного, и совсем другое – душить ребенка веревкой. А из-за вас – пришлось. Половина дозы – не смертельна. Вот откуда такая нервозность.

– Так они все-таки убили мальчика? – с трудом выдавил я из себя.

– Во многом – благодаря вам, голубчик, – устало подтвердил незнакомец.

– А то, что это все...? – мой язык вдруг перестал меня слушаться. Я бубнил что-то невнятное и старался жестами пояснить туманный смысл своих слов. – В той комнате... он спит... а они – все связаны... Как это?

Незнакомец долго смотрел на меня, а затем сказал:

– Это все фантомы. Блеф. Миражи. И коньяк-то вы пьете – не из разбитой бутылки. Она цела. Обратите внимание.

Сердце мое сдавила печаль, и я безмолвно заплакал. Брюнет встал и взял меня под руку:

– Ничего. Один шанс еще есть. Не упустите его.

Он подвел меня к двери:

– Отдайте пистолет.

Я покорно повиновался.

Мы вышли в подъезд и стали спускаться по лестнице. Я шел первым, незнакомец – за мной. Я едва смог расслышать, как раздалось два выстрела...

* * *

Я очнулся от того, что кто-то закричал.

Отдышался, вытер пот со лба. Охлопал карманы в поисках сигарет и тут же сам на себя злобно выругался: времени и так нет, а я думаю о какой-то ерунде.

Часы показывали без пяти двенадцать. Я обернулся. На заднем сиденьи сидел белокурый кудрявый мальчик и улыбался:

– Ты отвезешь меня к отцу?

Я замялся в нерешительности:

– Да... То есть... Я хочу сказать... Я и есть – твой отец.

Он звонко рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Ты врешь! Я знаю, что ты врешь!

Я вдруг сильно обрадовался от того, что моя бездарная, неуклюжая ложь оказалась ненужной. Я даже вздохнул облегченно:

– Конечно, вру. Это я так... Пошутил. Но обещаю, что мы найдем твоего отца. А если я чего обещаю – то обязательно делаю. Понял?

– Ага! – от нетерпения он подпрыгнул на месте.

– Ну тогда – поехали! – я завел машину и вырулил на шоссе. Выкрутил руль влево и дал газу до упора. Из-под задних колес вырвались фонтанчики щебня; маленькие камешки забарабанили в днище; над обочиной поднялись белые столбы придорожной пыли.

– А-а-а! – заорал мне на ухо сорванец и снова залился счастливым смехом.

Издалека слышался надсадный гул мощных моторов, рассерженное шуршание шин по пересохшему асфальту и обрывки веселой мелодии, разбросанные ветром как попало, безо всякого порядка. Навстречу нам, плавно покачиваясь, неспешно катились разноцветные фургоны передвижного цирка шапито. Они ехали в город, а мы – прочь от него...

* * *

Можете смело входить в подъезд – там лежит только мой окоченевший труп, а сам я далеко, ох, как далеко!; серая лента дороги медленно наплывает и, раскрученная колесами, стремительно убегает вдаль, куда-то за спину, а мы все едем и едем, и никак не можем остановиться; мы веселы и счастливы – я и кудрявый белобрысый мальчишка, чье хрупкое тело наспех закидано сухими трескучими ветками в безымянном лесном овраге...

Видно, не было для нас другого расклада...

Человек с крылышками на плечах

Смешно... Право же, смешно! Вы представляете, что он мне сказал! Он сказал... Он сказал: "Все могло бы сложиться совсем иначе, мой мальчик..." Ха! Иначе! Если бы я знал заранее! Нет, хорошо, конечно, иметь ангажемент в Лас-Вегасе и носить маленькие крылышки на плечах, но если бы я знал заранее, какую цену придется за это заплатить!

Впрочем, ладно. Обо всем по порядку. Только сначала выпью – чтобы немного успокоиться.

Ну вот, теперь можно начинать.

* * *

История эта приключилась не так давно – прошлым летом. Мы переезжали в Энск – впереди была неделя гастролей в маленьком, пыльном, Богом забытом городишке.

Васильич – иллюзионист, шпрыхшталмейстер и директор труппы в одном лице – считал, что дольше недели задерживаться в Энске не стоит: какие летом сборы? Так, одни слезы – на еду бы заработать. И он был, как всегда, прав. Да и программа, говоря откровенно, ничем особенным не блистала: никаких рекордных трюков, никаких новых номеров. С такой программой только по глубинке и чесать. Ну так ведь Энск – город-то не столичный.

Ребята в труппе подобрались хорошие, душевные. Но, положив руку на сердце, артисты – никудышные. Не тот уровень. Давно уже пора в утиль с их устаревшими номерами. Вы, конечно, спросите: "А сам-то ты как туда попал?" Отвечу: "Случайно". То есть, не совсем чтобы случайно – тройное сальто я тогда еще не делал. Не мог. А таких, которые двойное крутят – хоть пруд пруди.

Ха! Может быть, вы еще не поняли, о чем идет речь? Ну что ж, тогда объясню.

Я – воздушный гимнаст. Видели, наверное, такой номер: над манежем натянута сетка, а под куполом качаются на трапециях бесстрашные парни. Самый большой и сильный болтается вниз головой и всех ловит – это ловотор. А тот, что поменьше – летает туда-сюда, да еще и крутиться в полете успевает. Так вот я – тот, что поменьше. Центральное лицо в аттракционе. Ловотора можно найти другого, а вы попробуйте найти хорошего летающего!

Высшим достижением на сегодняшний день считается тройное сальто. Во всем мире гимнастов, которые умеют его делать, можно по пальцам пересчитать. На самом первом был Майкл Йорк: поэтому у него на обоих плечах – татуировка с изображением маленьких таких крылышек, наподобие ангельских. Майкл и сейчас выступает – в одном из казино в Лас-Вегасе. Он летает чисто – приходит прямехонько "руки в руки". А вот "Кабаретос", например, тоже делают три оборота, но там ловотор сначала ловит гимнастку за плечи, а уж потом перехватывает обычным хватом, за запястья.

А я вот что-то никак не мог приспособиться – то раньше времени "раскрывался", то позже. Ну, и промахивался мимо партнера. Но лучше уж совсем мимо пройти, чем одной рукой зацепиться: развернет, тогда попадешь не в середину сетки, а на край. А с края – выбросит вбок, и перевернуться не успеешь, до манежа-то – два с половиной метра. Тут вся надежда – на шпрыхшталмейстера да на униформу; может, спину кто подставит, спассирует тебя, чтобы "раскрытым" не упал, а не то – прощай, позвоночник! Здравствуй, инвалидная коляска!

Конечно, там, наверху, об этом не думаешь. Думаешь о программе, да о том, чтобы кураж не упустить.

За час до представления разомнешь все косточки, загримируешься и ждешь, к телу прислушиваешься – каждой мышцей играешь.

Ведь обычно как? Артист должен быть готов к выступлению за два номера: не дай Бог, если по ходу что случится – придется выходить на манеж раньше. Паузу-то коверный заполнит; а публика – номера ждет.

С нами – другое дело. Наше выступление – после антракта, во втором отделении. Надо сетку натянуть, проверить все трапеции, штамберты, растяжки; свет приглушить, чтобы не слепил, не сбивал с толку. И все это – за пятнадцать минут, пока зрители на площадке перед шапито фотографируются в обнимку с шимпанзе да сахарную вату кушают.

Так что мы всегда в свою очередь выходим. Ну, тут, конечно, марш. Фанфары, музыка! А мы тем временем карабкаемся по веревочным лестницам на самый верх и оттуда приветствуем публику. Ловотор начинает раскачиваться на своем штамберте, а я – держусь одной рукой за трос растяжки, другой – за трапецию; подгадываю момент, чтобы попасть в унисон. И вдруг – срываюсь со своей приступочки и несусь вниз! Затем – вверх! Затем снова – вниз-вверх, вниз-вверх, и на излете – подаю тело вперед, отпускаю трапецию, и давай крутить! Сначала – простые трюки. Сальто, потом сальто с пируэтом, с двумя пируэтами, и так далее.

Короче, по нарастающей. А завершает выступление – под барабанную дробь, все как положено! – двойное сальто с двумя пируэтами.

А тройное – ну не мог я сделать! Не получалось!

А как хотелось! Я потерял покой, тренировался сутками напролет – и все впустую! Совершенно измученный, забывался коротким, беспокойным сном, и мне казалось, что секрет разгадан! Дрожа от радостного возбуждения, я просыпался и снова принимался работать, и делал-таки три оборота, но раскрывался не вовремя... и опять падал в сетку...

А Майкл Йорк медленно проплывал над самым дном перевернутой чаши купола, трижды – легко и непринужденно – переворачивался, изящно – словно выныривал из пучины на поверхность – выходил из группировки, и в тот же миг двадцать цепких пальцев – его и ловотора – крепко сплетались на жилистых запястьях партнера, образуя мертвый замок, и согнутые в локтях руки мягко пружинили, гася инерцию опасного трюка, и на рельефно очерченных дельтовидных мышцах Майкла трепетали индиговые крылышки.

У меня "эполеты" не меньше, но знаков отличия нет. Не заслужил пока – летаю хуже. И конечно, я страшно ему завидовал. Не просто завидовал – а продолжал настойчиво работать. Или сделаю три оборота – или сдохну! Другого расклада нет! Я сам так решил...

* * *

Мы переезжали в Энск.

Обычно во время переездов я стараюсь отдохнуть, а в тот день почему-то не мог сомкнуть глаз. Отчаявшись уснуть, я сел за маленький столик и принялся смотреть в окошко. Горячий, окрашенный дизельным выхлопом ветерок лениво трепал несвежую выцветшую занавеску.

Пустынная дорога, разомлев и размякнув от сумасшедшей жары, нехотя валилась под колеса наших грузовиков.

Из раскаленного репродуктора, стоявшего на крыше головной машине, словно из опрокинутой набок урны, сыпались обрывки полузабытых мелодий: самая свежая из них была старше меня лет на пять.

Вдруг протяжный рев автомобильного мотора резкой и тревожной нотой перекрыл всю эту какофонию; я стал внимательно вглядываться, пытаюсь определить источник звука: красная "копейка", истерично повизгивая шинами, неслась навстречу цирковой колонне.

Я хорошо рассмотрел сидящего за рулем молодого мужчину; как мне показалось, он немного нервно улыбался. На заднем сиденьи прыгал белобрысый кудрявый мальчишка; он что-то кричал мужчине на ухо, и тот виновато пожимал плечами.

"Копейка" промелькнула мимо моего фургона и скрылась из виду. Куда он так торопился? Погони за ним не было, а от себя – все равно не убежишь. Это уж точно, можете мне поверить...

* * *

Почему так хорошо запомнилась эта случайная встреча на дороге? А черт его знает! Сам не пойму. Просто врезалась в память, и все тут.

В общем, мы прибыли в Энск.

* * *

Странствующая труппа вынуждена экономить на униформе. Когда приходится разворачивать на новом месте шапито, работают все: с раннего утра и до того момента, пока шатер не будет стоять на центральной площади.

Затем самые молодые (и я в том числе) бегут расклеивать афиши – не очень крепко и желательно повыше, чтобы часть из них можно было потом аккуратно снять. Опять же – экономия!

Наш номер (скажу без ложной скромности) – гвоздь программы. Первое отделение обычно завершает Васильич – у него нет сложной иллюзионной аппаратуры, поэтому антракт для специальной подготовки ему не нужен.

Васильичу уже далеко за шестьдесят, но он все еще молодится: красит волосы и носит корсет старинной выделки – из китового уса. Уверяет, что когда-то давно у него был роскошный аттракцион – дрессированные львы. Говорит, что животные погибли от голода в годы войны, и он, потрясенный мучениями царственных питомцев, поклялся никогда больше не работать со зверями. При этом неизменно добавляет, что с тех пор не представляет свою жизнь без риска – поэтому бреется только опасной бритвой.

Он рассказывает это без тени улыбки, с абсолютно серьезным лицом, но никому и в голову не приходит заметить явное несоответствие дат: ведь в сороковом ему еще и десяти не было.

По-моему, он нарочно все придумывает, чтобы заранее направить возможные сплетни и пересуды в удобное для себя русло – лишь бы поменьше болтали о другом – о его романе с новой, специально на один сезон взятой ассистенткой ("внучатая племянница", – так рекомендовал ее старый сатир.) Племяннице слегка за тридцать, у нее полноватые гладкие ноги, большая грудь, осыпанная множеством родинок, и черные усики над пухлой губой. Когда Васильич смотрит на свою "родственницу", мне кажется, что он сейчас начнет облизываться.

Еще у нас есть силовой жонглер – Юра Козупеев, (за глаза – просто Козупей), выступающий под псевдонимом Кузнец Вакула. Его внушительные мышцы уже немного заплыли жиром. Юре за сорок, на манеже он тяжело дышит, сильно потеет и, случается, попукивает – шутка ли дело, в последний раз он заказывал себе реквизит пятнадцать лет назад, но силы-то уже не те, что прежде, а на новые позолоченные шары и гири – денег нет. Юра хочет красиво уйти – отработать прощальный сезон если не за границей, то хотя бы в Москве, при полных аншлагах, но пока никто не приглашает, вот он и держится из последних сил – по-детски наивно полагая, что финал его артистической карьеры обязательно будет таким же блестящим и громким, как в свое время – дебют. Честно говоря, бывает жалко смотреть, как Юра работает свой номер: глаза наливаются кровью, колени дрожат, на шее вздуваются тол-

стые синие вены – в движениях никакой легкости, только невероятное напряжение и огромная усталость, а длинные рыжие косицы спутанных волос, торчащих из подмышек, блестя и переливаясь каплями пота в беспощадном свете софитов, придают Юриным движениям вялую комичность.

Что же касается смеха... Он звучит постоянно, когда на манеж выходит Сержик – наш коверный Серега Авдеев. Вот уж мастер! Жонглирование, эквилибр, свободная пластика, музыкальная эксцентрика – любой цирковой жанр ему по силам! Сержик замечательно играет на скрипке – старой, поцарапанной, расколотой и снова склеенной его золотыми руками. А какая потрясающая органика! Он абсолютно естествен – в каждом жесте и в каждой гримасе. Но...

Если бы не было этого извечного "но", Сержик давно бы уже имел ангажемент в Монте-Карло.

Пьет он сильно... Причем "сильно" – это очень мягко сказано.

Васильич запрещает Сержику выходить в город – он так и ночует в цирке, закутавшись в занавес. И все равно: стоит хотя бы на минуту ослабить внимание – а Сержик уже лыка не вяжет!

Итак, мы прибыли в Энск...

* * *

Я прекрасно помню все события, случившиеся потом, помню буквально по минутам – потому что не раз и не два старательно воскрешал их в своей памяти, пытаюсь разобраться: где же она, высшая точка моей траектории?

Понимаете, вся эта история очень смахивает на обычное сальто: вот летишь спиной вперед, выше и выше, затем – раз! – и уже летишь вниз.

Но в точке переворота на какую-то ничтожную долю мгновения утрачиваешь ориентацию в пространстве и контроль над собственным телом – поэтому ее еще называют мертвой точкой.

И вот я хотел уяснить: где же она, мертвая точка в моей истории?

В какой момент произошел переворот?

Теперь-то я знаю. Но сначала я этого не понимал...

Я еще маленько выпью, вы не возражаете?

* * *

Ну да... Первые два дня все было ничего. К счастью, самые худшие предположения Васильича не оправдались, и во вторник мы работали уже два представления: утром и вечером.

А вот в среду-то все и началось. На сцене появились сразу три новых действующих лица, и каждому из них суждено было сыграть очень важную роль.

Первым пришел Костыль – местный энский "авторитет". Высокий, худой, желтолицый, в мятых брюках и дорогих, но нечищенных ботинках. На его лице играла презрительная улыбка. Костыля сопровождала грозная свита: пара здоровенных тупиц, угрюмо озиравшихся по сторонам.

Мы давно привыкли к подобным визитам. В каждом городке и даже городишке обязательно существует свой местный (точнее сказать – местечковый) "авторитет". От столичных бандитов подобная публика отличается, как трактор от "Мерседеса". Обычно с ними достаточно откровенно поговорить: взять лист бумаги, перемножить количество кресел в шапито на стоимость билета и затем разделить пополам, а то и на три (полный зал бывает очень

редко). Чаще всего приходится наблюдать следующую реакцию – провинциальные мафиози долго чешут репу, а потом удивленно спрашивают: "А зачем вы вообще этим занимаетесь? Чего мотаетесь-то впустую?", на что получают честный ответ: "Мы так живем. Это – наша жизнь."

Костыль остановился на пороге служебного входа и брезгливо поморщился, втянув ноздрями резкий неистребимый запах бродячего цирка. В этот момент дверной проем загородила огромная фигура Юры Козупеева. Силач уныло жевал куриную ногу. По условиям контракта – для поддержания мышечной массы – ему полагалось бесплатное дополнительное питание: одна курица и один килограмм творога каждый день.

Юра задумчиво смотрел на незваных гостей сверху вниз.

– Эй! Кто у вас здесь главный? – грубо спросил Костыль.

Юра нахмурился – он всегда так делал, когда размышлял о чем-то серьезном.

– Я так полагаю, что я, – после долгой паузы рассудительно изрек Козупей и снова замолчал. – Хотя почему-то далеко не все придерживаются этой точки зрения, – честно добавил он некоторое время спустя и вдруг смущенно спрятал за спину руку, сжимавшую обглоданную кость.

– Эй ты, клоун, – рассердился Костыль, – я спрашиваю, где директор?

– Я – силовой жонглер, – с достоинством сказал Юра, тщательно подбирая каждое слово. – А директор – у себя, – он потерял всякий интерес к дальнейшему разговору с наглым визитером, развернулся и неспешно пошел в гримерку.

Костыль опешил. Он растерянно озирался по сторонам, выискивая, к кому бы еще обратиться.

Внезапно, будто из под земли, появился Васильич. Он всегда возникал неожиданно, как и подобает артисту его жанра.

Васильич все понял без слов:

– Вы ко мне? Пойдемте в кабинет, поговорим. А ребята ваши пусть здесь подождут, хорошо? У меня кабинетик маленький, все не поместимся, – и, мягко пресекая возможные возражения, спросил, – а вы уже были на нашем представлении? Еще нет? Приходите, обязательно приходите. У вас есть детишки?

Через полчаса Васильич снова показался на пороге – с Костылем под ручку. От них пахло коньяком, они улыбались друг другу, словно старинные приятели.

– Так, значит, в воскресенье уже уезжаете? – говорил Костыль.

– Да, – виновато улыбаясь, кивал Васильич.

– А то – это... Оставайтесь! Пусть будет у нас в Энске свой цирк. Я договорюсь, с кем надо, – убеждал Костыль.

– Прогорим, – ласково отвечал Васильич. – Ходить никто не будет. На неделю всего приехали, и то – сборов никаких. Хватило бы, чтобы за аренду заплатить. Да на бензин.

– Ничего, – убежденно говорил Костыль, – мы сегодня вечером придем. Все придем.

– Приходите! – с наигранной радостью восклицал Васильич. – Будем ждать. Я вас встречу. Посажу на лучшие места.

– Да ладно. Чего там? – возражал Костыль. – Билеты мы сами купим. Деньги есть. Это хорошо, что вы приехали. А то у нас культурно отдохнуть негде. Сходить-то некуда. Только в театр – драматический, но там ведь со скуки помрешь. Восьмой год одно и то же играют. "Быть или не быть?" Тоже мне, проблема. Вот "пить или не пить?" они не спрашивают, квасят все: от главного режиссера до последнего осветителя, а "быть или не быть?" их, понимаешь, страшно интересует. Еще, правда, есть у нас казино – как во всяком большом городе. Но там вообще – скука смертная. Посетителей почти не бывает, а с самим собой резаться в рулетку – последнее дело. Я в этом казино, видишь ли – хозяин. А вот цирк – это хорошо. Это то, что нужно.

– Милости просим! – кланялся Васильич.

Костыль в сопровождении свиты сел в машину и уехал. Васильич стер улыбку с лица и пошел мыть руки. Цель была достигнута: Костыль хотел обложить нас данью, но передумал – благодаря блестящему умению Васильича убеждать любого собеседника.

Первый крутой поворот в этой истории был пройден благополучно. Второй не заставил себя долго ждать.

* * *

Мы готовились к утреннему представлению: разминались, гримировались; кто-то раскатывал ковер на манеже, кто-то в амфитеатре выметал мусор из-под сидений.

Юра Козупеев лениво переругивался с Васильичем: утверждал, что потянул на тренировке спину, и теперь не может выступать – пусть, мол, Васильич ищет ему замену; ну а Васильич, прикладывая руки к сердцу, клялся и божился, что Юре замену не сыскать не то что в труппе – во всей России, а то и в целой Европе. "Ну то-то же!" – басил довольно Юра и шел в гримерку: ему только того и надо было.

Словом, все шло своим чередом.

И вот представление началось. Первое отделение, по традиции, закрывал Васильич. Трюки у него, как я уже говорил, не отличались особой сложностью. Их может работать каждый – была бы аппаратура. Внимание публики умело отвлекала ассистентка: колыхала исполинским напудренным бюстом, кокетливо покручивала немаленькой кормой, протягивая "магу и чародею" то "волшебный платок", то "летающую трость", то – "загадочный ящик", из которого таинственным образом исчезали положенные внутрь предметы. Наконец "родственники" закончили номер и, сорвав жидкий аплодисмент, ушли за кулисы. Точнее, Васильич увел "племянницу", держа ее руку высоко над головой, а сам тут же вернулся и объявил антракт.

После антракта настала наша очередь. Мы исполнили обычную программу: не очень сложную – зато чисто и без ошибок. Нам хлопали больше, чем остальным. (Правда, Козупей уверяет, что ему каждый раз устраивают овацию – однако никто, кроме него самого, этого не слышит.)

Представление закончилось – и все пятьдесят человек, не пожалевшие двадцати рублей на билет, неспешно потянулись к выходу – из прохладного полумрака в раскаленную духоту июльского полдня.

Вся труппа – в полном составе – вышла на поклон.

Потом, когда последние зрители покинули шапито, мы закрыли двери, выключили свет и разбрелись кто куда.

* * *

Я направился в свой фургончик. До вечернего представления оставалось еще много времени, и я хотел поспать часок-другой: так проще переносить жару и голод – ведь плотно поесть я смогу только вечером, после работы; с пустым желудком летается легче.

Я открыл дверцу с нарисованными на ней синей краской крылышками и застыл в изумлении: посреди комнаты на стуле восседал совершенно незнакомый человек и пристально смотрел на меня, слегка улыбаясь. Признаюсь, я опешил. Да и вид у незнакомца был, мягко говоря, обескураживающий: черный, безукоризненно сидящий смокинг, ослепительно белый пластрон, бабочка, в петлице – алая роза, а на мизинце – перстень с прозрачным голубоватым камнем. Наверное, это был бриллиант – я не разбираюсь в драгоценно-

стях. Одним словом, незванный гость не выглядел жуликом или воришкой; напротив, было в его облике нечто значительное, нечто, внушавшее уважение и даже некую робость.

Увидев меня, он поспешно вскочил со стула и весело рассмеялся.

– Ах, здравствуйте, здравствуйте! – он завладел моей рукой и принялся энергично ее трясти. – Вы уж простите, ради Бога! – тут последовал новый взрыв смеха, – что я без приглашения!

– Вы кто? – настороженно спросил я. Тогда мне казалось, что это самый естественный в подобной ситуации вопрос. Как оказалось впоследствии – наиболее глупый из всех возможных.

– К величайшему сожалению, никто не может меня вам представить, поэтому отрекомендуюсь сам, – он вытащил из нагрудного кармана (откуда-то из-под розы, и протянул вместе с оторвавшимся алым лепестком) визитку с золоченым обрезом. Я тупо уставился в массивные черные буквы, набранные кудрявой латиницей.

Фамилия не проявила ровным счетом ничего – мало того, она показалась мне ничуть не менее диковинной, чем внешний облик ее обладателя.

Тогда я задал еще один вопрос – ненамного умнее предыдущего:

– Чего вы от меня хотите?

Незнакомец прекратил улыбаться и стал серьезен:

– Я хочу быть вашим импресарио. Хочу предложить вам хороший ангажемент.

Мне показалось, что я не расслышал его слов; вернее, расслышал их неправильно.

– Как вы сказали? Импресарио? Хороший ангажемент?

– Да, – твердо отвечал он. – Почему вас это удивляет?

– Ну, видите ли... – замялся я. – Не могу понять, чем я привлек ваше внимание. Таких ведь много... У нас не очень сложные трюки...

Незнакомец согласно закивал:

– И все же вы меня очень заинтересовали. Я был на утреннем представлении. Видел ваш номер. Вы – великий гимнаст, поверьте моему слову. У меня нюх на эти вещи. Тройное сальто вам вполне по силам.

Я с недоверием посмотрел на него и, пожав плечами, сказал:

– Ну, может быть... Года через два... Я, наверное, смогу...

Незнакомец снова засмеялся:

– Нет! Думаю, что раньше... Гораздо раньше! У меня есть некоторый опыт в подобных делах. Я – очень известный импресарио и антрепренер. Но, главным образом, я широко известен как режиссер... Режиссер-постановщик разнообразных массовых зрелищ! Вы же знаете, как важно в нашем деле продумать все действие заранее; самым тщательным образом спланировать представление и отрепетировать его до мелочей. Ошибок быть не должно, иначе провал неизбежен! Кстати, в скором времени я собираюсь поставить очередное увлекательное шоу и хочу, чтобы вы тоже в нем участвовали, – он выдержал значительную паузу. – Более того, хочу, чтобы вы исполнили в моем шоу главную роль. Согласны?

Я подумал, что он просто сумасшедший, и поэтому бросил довольно резко:

– Я ничего о вас раньше не слышал! Почему я должен принимать всерьез ваши слова?

Вместо ответа он улыбнулся – тонкие черные усики нервно вздрогнули – и достал из внутреннего кармана смокинга цветную фотокарточку. На фото он стоял рядом с невысоким атлетом в белой майке; синие крылышки, на манер ангельских, украшали широкие плечи гимнаста.

– Лето прошлого года, – бесстрастно прокомментировал незнакомец. – Лас-Вегас, казино "Тадж-Махал". А это – мой хороший приятель...

У меня перехватило дыхание.

– Майкл Йорк! – сдавленным голосом закончил я.

– Именно! – подтвердил незнакомец и зашелся счастливым смехом. – Ну что, согласны работать со мной? А в награду – синие крылышки на плечах. Наподобие ангельских? Смешно, правда?

* * *

Не знаю, кому как, но мне было совсем не смешно. Деньги, слава, почет, – все отошло на второй план. Главное – крылышки! Темно-синие крылышки, вытатуированные на плечах, как знак принадлежности к касте избранных. Избранных свыше, ибо во всем мире таких людей – единицы!

Теперь-то я понял всю злодейскую гениальность его замысла. Теперь мне тоже смешно. Все тщета, суета, тлен! Нельзя через черный ход попасть в число избранных свыше! Такие попытки всегда плохо заканчиваются!

Теперь я это знаю... А тогда – согласился!

* * *

Незнакомец пристально посмотрел мне в глаза и сказал, отчеканивая каждое слово:

– Сегодня, на вечернем представлении, ты сделаешь тройное сальто, – почему-то, получив мое согласие, он сразу перешел на "ты". Я не решился ответить ему тем же. – Это не так сложно. Надо внимательно слушать себя. И свое сердце. Тогда ты сможешь летать даже с закрытыми глазами. Слушай, – он согнул указательный палец и розовым, отполированным ногтем – настолько гладким и блестящим, что я увидел в нем свое искаженное и перевернутое отражение – трижды стукнул мне в грудь, попадая в такт с биением моего сердца. – Три удара – три оборота. И приходишь прямо в руки. Вот и все. Надо только настроить свое сердце – оно должно биться ровно.

– Но как этого добиться? – недоумевал я. – Во время выступления это совершенно невозможно.

– Возможно, – ласково успокоил незнакомец. – Перед тем, как делать трюк, найди меня глазами в толпе, среди зрителей. Я буду сидеть справа от занавеса, в четвертом ряду. Посмотри на меня, и ты почувствуешь, как твое сердце бьется ровно – в том же ритме, что и сейчас.

– Ну хорошо, – я все еще не верил ему, – пусть так. Но вы же не сможете сидеть на всех моих представлениях. И вообще – я сам хочу делать три оборота, без посторонней помощи.

– Ты все будешь делать сам, – пообещал он. – Я не смогу тебя постоянно опекать. Придет время, и я подарю тебе этот ритм. Навсегда. Готов ли ты к такому подарку? Подумай, это нелегкий выбор!

– Готов! – радостно ответил я, весь внутренне обмирая от восторга. "Нелегкий выбор!" Что он имел в виду? То, что мне придется бросить труппу? Но ведь я только и ждал момента, чтобы сделать это. Наконец-то! С тройным сальто я получу ангажемент где угодно. Где угодно, но только не в этом запыленном Энске. Только не в этой забытой Богом дыре... Все будет по-другому... Все будет совсем иначе. Я уеду в Америку: в Лас-Вегас. Или в Майами. Какая разница! Я уеду отсюда! Мне всего двадцать три года, я здоров, красив, силен и необычайно талантлив! Да! Все будет именно так, если только...

"Если только..." – в сердце мое закралась непонятная тревога, и я с подозрением взглянул на незнакомца. "Если только он не обманывает!", – подумал я.

– Ну что вы? К чему мне вас обманывать? – всплеснул руками незнакомец. Он почему-то опять перешел на "вы". – А впрочем... Не буду тратить время впустую. Вечером вы сами во всем убедитесь. Итак, справа от занавеса, четвертый ряд. До встречи! – он встал и, стре-

мительно прошедевствовав мимо меня, исчез за дверью. Я хотел было броситься ему вслед, но ноги не слушались, и я упал ничком на кровать. Упал и мгновенно уснул.

* * *

Проснулся я оттого, что в дверь фургончика кто-то сильно постучал. Я с трудом поднялся с кровати и поплелся открывать.

Это оказался мой ловетор, Евгений.

– Ничего себе! – весело присвистнул он. – До представления – всего час, а ты спишь! Скорее вставай и начинай разминаться!

Я потер отяжелевшую от духоты голову.

– Слушай, Женька! Мне такой дурацкий сон приснился! Какой-то мужик с бабочкой, в черном костюме... как он называется?...

– Фрак, что ли?

– Ну да. То есть нет. У фрака – сзади полоски висят. А у этого – полоски обрезаны, и воротник обшит блестящей такой тканью...

– Смокинг, что ли?

– Во! Точно! Смокинг. И вот мужик в смокинге пришел ко мне и что-то говорил... Не помню точно, что...

– Потом вспомнишь. Давай разминайся.

– Да... Да... – задумчиво пробормотал я. – Пора уже... Что же он мне сказал? Не могу вспомнить...

Женька открыл кран, набрал в пригоршню теплой воды, пахнувшей ржавчиной и хлоркой, и плеснул мне в лицо.

– Забудь про мужика, соня! Работать пора! Так ты никогда тройное сальто не сделаешь!

Я зажмурил глаза, почувствовал противный вкус на губах и в этот момент явственно увидел перед собой лицо незнакомца – так в книге между строк, описывающих внешность главного героя, постепенно проступает лицо самого автора.

Увидел его лицо и все вспомнил! Весь наш разговор – от начала до конца, каждое слово. Вспомнил – и поверил!

– Женька! – сказал я твердо. – Я сегодня буду тройное делать. Поймаешь?

Он оторопело посмотрел на меня.

– Тройное? – переспросил с тревогой. – Чего это ты вдруг? Перегрелся, что ли? На репетициях-то у нас не получалось. Зачем зря рисковать? Нет, поймать-то я тебя поймаю – если закрутишься правильно, да раскроешься вовремя... Поймать-то я тебя поймаю... – неуверенно повторил он.

– Вот и хорошо! После двойного – с двумя пируэтами – я сделаю паузу. Постояю, сосредоточусь... Надо, чтобы в этот момент была дробь! Скажи Васильичу...

– Ну, уж это я ебу! – замахал руками Женька. – Васильичу сам обо всем говори: с меня он голову снимет, а тебе – с рук сойдет.

– Ладно, скажу! Где-нибудь в антракте. Пусть он объявит, мол, тройное сальто, рекордный трюк, и будет дробь. Сегодня я сделаю тройное сальто!

– Тогда что ж? – ехидно спросил Женька. – Вечером будем колоть и обмывать КРЫЛЫШКИ?

От этих слов сердце мое радостно забилося. Да! Конечно! Если сделаю тройное, тогда вечером сразу и наколем! Рисунок этих крылышек у меня есть – точь-в-точь такие же, как и у Майкла Йорка. Такие, знаете, наподобие ангельских...

– Да! Конечно! Вечером и наколем! – ответил я.

– Ну хорошо, – согласился Женька. – А если не сделаешь? Что тогда?

Я тяжело вздохнул и помрачнел:

– Ну, а что – тогда? Тогда – приду в страховочную сетку, прямо в середину, как ребеночек – в мамину колыбель, затем встану, залезу по веревочной лестнице наверх и сделаю еще раз двойное с двумя пируэтами.

– Кураж не потеряешь?

– Вроде не должен...

– Ну смотри, – Женька сочувственно хлопнул меня по плечу. – Если передумаешь, ты просто махни рукой – вот так! перед собой, слева направо, и я пойму, что работаем обычную программу, без тройного. Ладно?

– Угу, – подтвердил я и стал разминаться.

До представления оставался всего час.

* * *

И вот – началось! Оркестр грянул марш!..

Это я так говорю: "оркестр грянул", а на самом деле – никакого оркестра у нас и в помине не было. Сидел за пультом полуглухой Марк Захарович Пысин, гордо именовавший себя "режиссером-постановщиком звукового оформления спектаклей" и, отчаянно борясь с чеснотной отрыжкой и похмельной дрожью в руках, пытался вовремя включить нужную фонограмму. Когда ему это удавалось, он гордо заявлял: "Пальчики-то! Почти как у Ван Клиберна – так прямо ходуном и ходят!".

Козупей работал под песню Зыкиной "Я – Земля, я своих провожаю питомцев...", Васильич предпочитал "Ах ты фокусник, фокусник-чудак!", а мы летали под "Притяжение Земли" и "Траву у дома". Вы, наверное, и не знаете таких песен? Я бы тоже не знал, если бы они не хранились у Марка Захаровича в "фонотеке" – фибровом чемоданчике со сломанными замками и потому перетянутом грубой бечевкой. Но это еще ничего: акробаты на подкидной доске братья Алмазовы (на самом деле – никакие не братья, и уж тем более – не Алмазовы, а просто артисты Павлов, Семенов, Хавкин, Маркин и Селезнев) выступали под ускоренный – примерно в два раза – залихватский мотивчик народной песни "Коробейники": бесконечное повторение одних и тех же тактов, а в финале – помпезное "Советский цирк!.."

Ну так вот! Оркестр грянул марш! Представление началось!

Сержик – коверный – топтался в кулисах и внимательно следил за ходом спектакля. В паре метров от него стоял большой ящик с реквизитом. Если происходила какая-то заминка, Сержик выхватывал из ящика первый попавшийся предмет и бежал заполнять паузу. Он был артист от Бога! – мог держать публику сколько угодно. А уж когда играл на скрипке...

(Сейчас, вспоминая Сержика, я думаю, что не он, а мы заполняли паузы между его выходами на манеж. Мы работали, а он – жил. Он был велик во всем: и в большом, и в малом. Грустное превращал в смешное, а смешное – в грустное. Вещи самые обыкновенные у него приобретали новый глубокий смысл, а те, что казались важными и неизменными, становились вдруг пустыми безделушками. Жизнь для него была клоунадой, а клоунада – жизнью. Два года спустя он уснул пьяным в сугробе и замерз. Его нашли случайные прохожие и, подняв на руки, понесли в больницу. Все это уже было однажды и только край черного пальто не волочился по земле – не было у Сержика черного пальто, вообще никакого не было.)

А пока – Сержик, волнуясь, топтался в кулисах. Неподалеку степенно разогревался Козупей. Он подбрасывал блестящее золотистое ядро и ловил его на спину: Козупей при этом громко кричал, а спина – хрустела. По могучей шее стекали капли жирного пота.

Васильич наблюдал за представлением по другую сторону занавеса: ведь он был шпрыхсталмейстером. Наконец настала и его очередь: на арену вывели аппаратуру, вышла "племянница", и Марк Захарович, немного замешкавшись, дал музыку.

Когда номер закончился, Васильич громко объявил: "Антракт!"

* * *

Все время, пока шло первое отделение, я мучился вопросами: "Что это был за незнакомец? И был ли он на самом деле? Может, он только приснился мне? А если не приснился, то сдержал ли свое обещание? Пришел ли он на представление? А, может быть, пришел, да не было места в четвертом ряду, сразу справа от занавеса, от выхода на манеж, и он сел на другое место?"

Я страшно переживал и вместе с тем очень боялся просто выглянуть и посмотреть, кто там сидит в четвертом ряду. Но больше всего я боялся потому, что не мог понять, чего же я боюсь больше: увидеть его или не увидеть? Что, путано излагаю? А вы попробуйте, поставьте себя на мое место, и тогда сразу поймете, что я имею в виду.

В конце антракта я сбегал к Марку Захаровичу и объяснил, что мне нужна барабанная дробь: когда я застыну на месте и подниму вверх правую руку. Старик кивнул в ответ, громко рыгнул и помахал сухонькой ладошкой возле рта, волнами разгоняя чесночный аромат.

Между вторым звонком и третьим я подскочил к Васильичу и заявил, что собираюсь исполнять сегодня тройное сальто, и поэтому прошу его объявить, мол, рекордный трюк, и все такое – в тот момент, когда я застыну на месте и подниму вверх правую руку.

Васильич остолбенел и несколько мгновений стоял неподвижно. Затем он что-то такое пробормотал... Попытался возразить... Но я был уже за чертой. Мысленно я докручивал второй оборот и входил в третий. Я еще раз твердо сказал, что сделаю тройное сальто – во что бы то ни стало. "Сделаю – или сдохну!" – добавил про себя.

– Ну что ж... Если трюк готов... – проямлил Васильич, изображая согласие. И пожал плечами. – Если ты уже отрепетировал... Не осрамись... Публика, все ж таки.

Но мне было наплевать: и на публику, и на Васильича, – на всех. Крылышки! Я думал только о них, и ни о чем больше!

* * *

И вот – марш. Васильич раскатисто объявляет, с каждым словом все повышая и повышая голос: "Выступают... воздушные гимнасты...", затем вполоборота поворачивается лицом к занавесу и делает рукой широкий жест, предвеляя наш выход.

Мы бодро выбегаем и на мгновение застываем посреди арены, ослепленные разноцветным сиянием софитов. Стоим, слегка щурясь, привыкаем к яркому освещению. Пятки вместе, носки врозь, руки приветственно воздеты и разведены в разные стороны; рты растянуты до ушей. Улыбка – это то, без чего на манеж выходить нельзя. Это универсальная маска, которая во все время выступления должна оставаться на лице.

Ты можешь сорваться с проволоки, с каната, с трапеции, разбиться на тысячу осколков, сломать шею и больше никогда не почувствовать собственного тела, но пока ты на манеже – улыбайся, черт возьми! Ну, а если уж совсем худо, и улыбки не получается – уткни лицо в ковер; не зря же он красного цвета – и не то подчас скрывает.

Только клоун вовсе не обязан улыбаться публике; перед ним задача потруднее – он обязан вызывать у публики смех.

Итак, мы выходим на манеж. Я все еще не решаюсь посмотреть, кто же там сидит в четвертом ряду, справа от занавеса.

Мы с Женькой хватаемся за лестницы и лезем наверх.

Я не чувствую своего веса и, кажется, прикладываю огромные усилия, чтобы не выпустить из рук веревку и не взлететь под самый купол.

Конечно, руки у меня почти такие же сильные, как и ноги: один раз на спор я сбросил ботинки, сунул в них ладони, чтобы не испачкать, и поднялся по ступенькам на пятый этаж – на одних только руках. Но все равно, никогда прежде не ощущал я такой легкости в теле.

Вот Женька уселся на штамберте и начал раскачиваться. Раскачавшись, он перевернулся вниз головой, уперся в перекладину животом и обвил ногами стропы. Теперь его чуткие цепкие пальцы свободны, и он внимательно следит за каждым моим движением.

Я стою на доске, левой рукой крепко ухватившись за трапецию, а правой держась за тонкий трос растяжки. Наконец я улавливаю Женькин ритм, обеими ногами отталкиваюсь что есть сил от доски, правой рукой хватаюсь за посыпанную жженой магнезией буковую перекладину и после секундной паузы несусь вниз, в гремящую бравурной музыкой и пробиваемую разноцветными лучами пустоту. Ох уж эта стремительно набегающая пустота! Каждый раз она пытается высосать из меня все внутренности: "под ложечкой" замирает, кишки мелко трепещут, а сердце отчаянно бьется, стучит куда-то в ребра, противясь опасному падению в жуткую бездну, очерченную красным кругом, диаметр которого – ровно чертова дюжина метров... Одно умеряет сердечный галоп: то, что бездна эта накрыта спасательной – бывает, что и спасательной! – мелкочаеистой сетью.

После нижней точки траектории следует подъем. Я выгибаю тело, словно натягиваю лук – увеличивая тем самым инерцию. Достигнув высшей точки, на мгновение замираю, прикидываю расстояние до Женькиных рук, и вижу, как мышцы его спины напрягаются, наливаются металлом, бронзовеют. В эту секунду Женька будто раздувается, становится шире – я вижу, он готов... и улетаю на второй заход. Мчусь – но уже в обратную сторону, задом наперед, и над местом первоначального старта старательно складываюсь пополам – тяну носочки, мобилизую плечевой пояс; живот гудит, как пустой барабан – напряженный до предела брюшной пресс выдавливает из легких остатки воздуха; затем, в последний миг зависания над манящей бездной – глубокий вдох, и снова – вниз!

Но с той только разницей, что на подлете к противоположной высшей точке я уже не выгибаюсь, а наоборот – группируюсь. Сальто! Пируэт!! Обеими ладонями ударяю Женьку по запястьям; он делает то же самое – обязательно нужно со шлепком, чтобы захват был крепче. Есть захват! Руки – и мои, и Женькины – одновременно разгибаются в локтях, и в этот миг мы резко и коротко выдыхаем: "Ха!"

Один тур качаемся вместе – срастается в целый, слитый в едином невероятном усилии живой механизм с туго взведенной пружинной; пора! Женька выстреливает меня, словно из катапульты – прямо в перекладину пустой трапеции, вернувшейся назад после порожнего пробега; я чувствую чудовищное напряжение его мускулов и каждый раз боюсь, что однажды они лопнут – с громким глухим треском, и мой партнер разорвется пополам. Но нет! Женька тяжело отдувается, кровь приливает к его голове, глаза краснеют, однако он через силу пытается улыбнуться: улыбайся, черт тебя дери – ты же на манеже! Он садится на штамберте и простирает над зрителями мощную длань, словно благословляет их.

Я вскакиваю на свою приступочку и механически растягиваю губы. Руки мои дрожат; вены на них вздулись.

Хлопают нам или нет, я не слышу – в ушах сильно стучит. Разноцветные лучи ощупывают меня со всех сторон, и музыка плывет из динамиков – как через подушку: бу-бу-бу...

Мы работаем номер...

* * *

Но вот все трюки исполнены: Васильич стоит внизу, мелко пританцовывая, готовый в любую секунду сорваться с места и бежать подставлять падающему спину.

Женька часто дышит; сквозь грим и толстый слой магнезии видно, что он весь багровый – а вы попробуйте поболтаться двадцать минут вниз головой, да еще ловить и кидать при этом партнера. Это снизу кажется, что я маленький и легкий. Действительно, рост у меня – сто шестьдесят пять, но я же весь покрыт мышцами, словно панцирем – поэтому вес подбирается к семидесяти восьми: при том, что в теле нет ни капли жира и кость не особенно широкая.

Наступает ГЛАВНЫЙ момент. Сейчас буду делать тройное. Я застываю на месте и поднимаю вверх правую руку. Дробь! Напряженная барабанная дробь, но я ее почти не слышу – так неистово колотится мое бедное сердце. Вот оно замирает – я медленно опускаю глаза; встречный свет ярких софитов слепит, но я понемногу привыкаю... в четвертом ряду, справа от занавеса... сидит он... А рядом с ним – девушка необыкновенной красоты. Я пристально смотрю на эту парочку – незнакомца в черном смокинге с белой (уже белой) розой в петлице и молодую прекрасную девушку – и вдруг отчетливо вижу, как он трижды неторопливо касается своим длинным тонким пальцем ее нежного округлого плеча. А она будто и не замечает: тревожно изогнула спину и уставилась вверх, под купол – на меня, должно быть.

Мы смотрим друг на друга... Ближе, еще ближе... Расстояние между нами постепенно сжимается: метр за метром, словно неуступчивая пружина под действием таинственной силы; как вдруг! – вырывается из неволящих ее тисков, мгновенно распрямляется, и снова лиц различить невозможно, одни только белые пятна. Но все, что мне было нужно, я уже разглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.